

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 51

УДК 81
ББК 81
Я410

Р е д к о л л е г и я :

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук А.И. Изотов, доктор филол. наук М.Л. Ковшова,
доктор филол. наук В.В. Красных

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгононарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2015. –
Вып. 51. – 64 с.

ISBN 978-5-317-04986-7

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Language - Mind - Communication. Issue 51 / Krasnykh, V.V., Izotov A.I., (Eds). - Moscow: MAKS Press, 2015. - 64 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-04986-7

© Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Фролова, О.Е.; Щенникова, Е.В.* Серийная модель
креолизованного текста: антитеза «модного» и «вечного»
в осмыслении интернет-пользователей = *Frolova, O.;*
Shchennikova, E. Creolized Text Standard Model: Antithesis of
'Fashionable' and 'Eternal' in the Internet Users' Perception4
- Лю Сяо (КНР)* Английские метафоры с компонентом «природа» в
свете концепции У-Син = *Liu Xiao (PRC)* English metaphors
with the component "Nature" in the light of Wū Xíng15

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Изотов, А.И.* Мир славян = *Izotov, A.I.* The World Of Slavs41

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кульпина, В.Г.; Татаринов, В. А.* Многофакторность языковой
вариативности на фоне ускоряющихся коммуникативных
процессов = *Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A.* Polyfactorial
Language Variability against a Background of Increasing
Communicative Processes53
- Авторы выпуска / Authors64

СЕРИЙНАЯ МОДЕЛЬ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА: АНТИТЕЗА «МОДНОГО» И «ВЕЧНОГО» В ОСМЫСЛЕНИИ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

О.Е. Фролова, Е.В. Щенникова

CREOLIZED TEXT STANDARD MODEL: ANTITHESIS OF 'FASHIONABLE' AND 'ETERNAL' IN THE INTERNET USERS' PERCEPTION

O. Frolova, E. Shchennikova

ABSTRACT:

The article considers a series of creolized texts representing Internet memes similar to case texts. Three-facet verbal component makes the constant for such Internet memes: N1 – Fashionable, N2 – Not Fashionable, N3 – Eternal. The first two elements are opposed to each other, and together they contrast to the third component. Variability of an Internet meme lies in substitution of a non-verbal text, which makes the model a universal evaluator, and the corpus forms an open series. A positive assessment arises when a text is adequately illustrated by its visual component while a negative assessment appears at a semantic discrepancy, a shift of the verbal and visual elements of the text. This type of Internet memes acquires its imaginative power due to its third element, namely the non-verbal component.

Key words: Internet meme; text nature; creolized text; verbal component; non-verbal component; shift; positive assessment; irony; negative assessment; comparison; opposition; thesis; antithesis; synthesis; imaginative power

В статье рассматривается серия креолизованных текстов, которые представляют собой интернет-мемы, сходные с прецедентными текстами. В качестве константы для данного типа интернет-мемов выступает трехчастный вербальный компонент *N1 – модно*, *N2 – немодно*, *N3 – вечно*. Первые две части противопоставляются друг другу, вместе составляя оппозицию третьей. Вариативность интернет-мема заключена в смене невербального компонента текста, что делает данную модель универсальным средством оценки, а корпус текстов формирует открытую серию. Основа положительной оценки заключается в сопоставлении вербального и визуального компонентов как текста и иллюстрации, отрицательная оценка возникает при семантическом расхождении, сдвиге вербальной и визуальной составляющих текста. Сильной позицией дан-

ного типа интернет-мемов является его третья часть, а в ней – невербальный компонент.

Ключевые слова: интернет-мем; текстовая природа; креолизованный текст; вербальный компонент; невербальный компонент; сдвиг; положительная оценка; ирония; отрицательная оценка; сопоставление; противопоставление; тезис; антитезис; синтез; сильная позиция

Интернет стал не только неотъемлемой частью жизни современного общества, но и новым коммуникативным пространством, позволяющим, с одной стороны, встроиться в виртуальную социальную страту, достичь групповой идентификации, а с другой, попытаться заявить о себе. Представить себя во Всемирной сети теперь может любой человек, обладающий минимальными навыками работы с текстовыми и графическими редакторами.

Степень популярности некоторых текстов, авторы которых нашли яркие вербальные и невербальные средства выражения, настолько велика, что они становятся интернет-мемами и моделями для создания аналогичных текстов. И уже мем выступает как средство демонстрации групповой идентичности.

Активное распространение мемов стало предметом научных исследований в разных областях знания: семиотике, общей теории коммуникации, культурологии, межкультурной коммуникации, лингвистике, фольклористике. Мемы, оперируя известными, созданными ранее произведениями, составляют часть современной культуры [Савицкая 2013]; они анонимны, варьируясь, широко транслируются в сети, что сближает их с фольклором [Folk-art-net; Алексеевский 2010; Интернет и фольклор; Пятницко], довольно часто совмещают в себе вербальный и невербальный коды, поэтому составляют предмет семиотической интерпретации [Нежура 2012], являются инструментом общения, в связи с чем интересуют коммуникативистов [Шомова 2015], часто, будучи переводами, адаптируются к новой культуре, имеют непосредственное отношение к языковой системе, письменной и устной формам речи, следовательно, становятся материалом и для лингвиста [Кронгауз 2013].

Среди лингвистов нет полного согласия в интерпретации природы мема (см.: [Броди 2002; Докинз 2013; Щурина 2013]). Ученые не всегда едины в понимании объема и природы понятия интернет-мема, так как во главу угла могут ставиться различные его свойства: степень и скорость распространения, происхождение, структура. В существующих толкованиях, тем не менее, мы обнаруживаем общие характеристики мема: а) текстовая природа, б) наличие плана содержания и выражения, в) широкая трансляция в Интернете (в форме интернет-мемов).

За интернет-мемами, как правило, закреплены устойчивые смыслы, что сближает их с прецедентными именами и текстами, подробно описанными лингвистами [Караулов 1987; Багаева и др. 1997а и 1997б; Красных 2007; Фролова 2007; Гудков, Рассказов 2010]. Ю.Н. Караулов полагал, что фактор прецедентности базируется на трех основаниях: а) значимости, б) сверхличностном характере и в) неоднократном обращении к единице в дискурсе языковой личности [Караулов 1987: 216]. Воспроизводимость и сверхличностный характер важны и для мема, как пишет Е.А. Выналек: «По своей природе мем является некой “заготовкой”, шаблоном, которые требуют от участника коммуникативного акта доработки» [Выналек 2014: 53]. Данное свойство подтверждается обилием сервисов по созданию интернет-мемов с заданной структурой. Опираясь на эти соображения, мы определим интернет-мем как формулу, обладающую означаемым и означающим, то есть текст, с узнаваемым набором констант для выражения определенных смыслов.

Вынесенная в заголовок настоящей работы антитеза «модного» и «вечного» будет рассматриваться на материале одного типа интернет-мемов, где в качестве константы выступает вербальная составляющая (надпись «Что-то модно / Что-то вышло из моды / (А) что-то вечно»), а в качестве переменной – изображения. Отметим, что именно надпись является основополагающим признаком для обособления этих интернет-мемов в самостоятельный тип: «Главная особенность синтаксиса вербальной составляющей поликодовых интернет-мемов – использование стереотипных фраз» [Мичурин 2014: 116]. Надпись «Что-то модно / Что-то вышло из моды / (А) что-то вечно», несомненно, имеет оценочный характер и отражает субъективные представления автора о сменяемости пристрастий, что выражает смысл линейного течения времени, а также об актуальности некоторого объекта. Она представляет собой трехчастное единство: тезис, антитезис и синтез. В надписи четко, в ряде случаев с помощью противительного союза «а», разграничиваются объекты, к которым применимо или же, напротив, неприменимо понятие моды. Определение «вечный» показывает, что некоторый объект не подвержен влиянию переменчивой моды, он вне времени и не утрачивает своей актуальности (ср.: вечные, непреходящие ценности). Этот смысл в полной мере согласуется с данными лексикографических источников. Ниже приведены выдержки из словарных статей «вечный» и «модный», раскрывающие значение слов в контексте надписи:

Вечный – «1. Бесконечный во времени, не имеющий ни начала ни конца. 2. Не перестающий существовать. 3. Не ограниченный каким-л. сроком, действующий без срока. 4. Постоянно, очень долго занимающийся одним и тем же; находящийся в одном и той же состоянии, положении. 5. *Разг.* Постоянный, неизменный» [БТС: 123].

Модный – «1. Отвечающий моде, сделанный по моде || Связанный с рекламой, продажей или изготовлением предметов, отвечающих господствующим вкусам в обществе. 2. Придерживающийся моды (1 зн.), следующий моде (о человеке). 3. Пользующийся в данное время всеобщим признанием, известностью, успехом» [БТС: 550].

Объект, охарактеризованный как немодный, свидетельствует об отставании от времени. Вербальный компонент текста реализует метафору движения в ногу со временем и неизменных основ жизни.

Содержание надписи, таким образом, показывает, что рассматриваемый тип интернет-мемов наиболее вероятно будет использоваться для позитивной оценки, демонстрации положительного отношения к некоторому объекту в сравнении с подобными ему путем представления его как не утрачивающего своей актуальности с течением времени.

Нам удалось собрать коллекцию из 75 текстов описанного типа для проверки данного предположения. Все эти тексты являются креолизованными, сочетающими в себе вербальную и невербальную составляющие, соотношение которых может быть как дополнительным, так и контрастным, подобно тому, которое реализуется в рамках жанра демотиватора, когда рисунок заставляет адресата переосмыслить характер вербального компонента [Иссерс 2015; Сорокин, Тарасов 1990].

Прежде чем перейти к комплексному анализу текстов хочется отметить незначительную вариативность вербальной составляющей при сохранении узнаваемой структуры, например модифицированный финальный элемент, в котором гиперболизировано качество прочности («а что-то переживает даже атомную войну») или лояльности («а кто-то по-прежнему верный и лучший», см. рис. 1).

Рис. 1. Пример модификации вербальной составляющей интернет-мема

Отобранный материал в соответствии с нашими предположениями показывает, что вербальная формула интернет-мема активно используется в сфере оценки продуктов питания, творчества музыкальных исполнителей, технических средств, мультипликационных произведений и компьютерных игр. При этом в ранг ценности, как правило, возводятся вещи, связанные с детством, домом, отечеством, что придает текстам оттенок ностальгии (см. рис. 2-4). Посредством этих интернет-мемов пользователи не только заявляют о своих предпочтениях и вкусах, но идентифицируют себя с приверженцами подобных идей и взглядов.

Рис. 2-4. Примеры положительной оценки объекта (2 – борщ, 3– мороженое в вафельном стаканчике, 4 – отдых в Крыму)

Среда распространения интернет-мемов накладывает свой отпечаток на их содержание, поэтому нельзя не отметить частотное обращение пользователей к теме функционирования операционных систем и браузеров.

Отдельного внимания заслуживают случаи положительной оценки объекта с точки зрения его функциональных возможностей, когда важным является не превосходство над другими по признакам прочности, красоты и прочее, а доступность. То, что объекты при этом используются не по назначению, создает комический эффект (см. рис. 5).

Рис. 5. Пример положительной оценки объекта (комический эффект)

Так, на рис. 5, благодаря соотношению вербального и невербального компонентов, в третьей части как наиболее стабильное характеризуется состояние вещей, когда в качестве гигиенического средства используется максимально примитивное и дешевое. Источником стабильности становится скудность жизни.

Помимо обозначенных выше функций групповой идентификации, самовыражения и развлечения, интернет-мемы, как показывает отобранный материал, могут выполнять метаязыковую функцию и служить средством оценки явлений коммуникативного плана, в том числе других интернет-мемов (рис. 6-7). И вновь на рис. 6 в качестве вечного предстает самый простой вариант выражения эмоций. Данный пример интересен тем, что метатекстовая функция реализуется при отсутствии передачи информации в графическом коде.

Рис. 6-7. Примеры положительной оценки коммуникативных средств (7 – скобка в роли эмоджона, 8 – Trollface как разновидность интернет-мема)

	:)))
Что-то модно	Что-то вышло из моды	Что-то - вечно
что то модно,	что то вышло из моды,	а что то вечно...
		

Пример языковой игры представляет собой рис. 8, в котором слово «вечный» истолковывается буквально. В нем Вселенная противопоставляется остальным явлениям – конкретно интернет-мемам рассматриваемого типа – как неподвластная времени и не зависящая от человеческих пристрастий.

Рис. 9. Пример переосмысления содержания надписи в интернет-меме

Отобранный материал обнаруживает в ряде случаев актуализацию пятого значения слова «вечный» – «постоянный, неизменный» [БТС: 123], то есть лишенный развития. Здесь нельзя говорить о позитивной оценке: некоторый объект выделяется из числа однородных, но уже не как превосходящий их, а уступающий по конкретному параметру. Ср. модифицированный финальный элемент «а что-то вечно ломается / не заводится», употребленный по отношению к продукции отечественного автопрома, в сопоставлении с заграничными аналогами. Интернет-мем в этих примерах выполняет прямо противоположную выделенной нами функцию – отрицательная оценка, выражение негативного отношения к объекту.

В рамках креолизованного текста выражаемый смысл может меняться в зависимости от того, как автор выстраивает соотношение вербального и невербального. Сложный случай представляют собой сопоставления, в которых надпись имеет свой оригинальный вид, но между вербальным и невербальным компонентами наблюдается расхождение: вечным объявляется явление, которое встречается чаще других и наиболее устойчиво именно по этой причине. Соотношение рисунка и подписи не дает четкого представления об оценке и, соответственно, цели автора, тогда как адресат, опираясь на свои фоновые знания, не может рассматривать выделенный объект как лучший, превосходящий остальные. В подобных примерах речь идет об ироничной оценке некоторого объекта как заведомо НЕмодного. Здесь интернет-мем используется для высмеивания некоторого положения вещей (см. рис. 9-10).

Рис. 9-10. Примеры ироничной оценки объекта
(9 – дырявые носки, 10 – пляжная обувь в сочетании с носками)

Проведенный анализ материала показал, что интернет-мем «Что-то модно / Что-то вышло из моды / (А) что-то вечно» является удобным средством для выделения некоторого объекта из класса однородных и демонстрации отношения автора к нему. Вербальная составляющая данного интернет-мема – константа – предполагает положительную оценку объекта как не подверженного колебаниям настроений, изменениям вкусов и не утрачивающего свою актуальность. Третий элемент надписи является маркированным, так как именно здесь реализуется предпочтение или неприятие автора. Внутри третьего компонента сильной позицией является его невербальная составляющая. При положительной оценке рисунок предсказуем, при отрицательной – его появление неожиданно для адресата и обнаруживает сходство с финалом анекдота.

Трудность заключается в том, что развлекательная направленность интернет-мемов обуславливает частотность переносного значения, иронического переосмысления и в связи с этим неоднозначность оценки. Примеры показывают, что один и тот же интернет-мем может превозносить объект, высмеивать его, иронизировать по его поводу или полностью отрицать как неуместный, негодный при сохранении в большинстве случаев контраста временное – постоянное. И дело здесь не только в моде. Тем самым, утверждать однозначно, что рассматриваемый тип интернет-мема несет исключительно положительную оценку будет неверным. Каждый случай творческого создания креолизованного текста подлежит индивидуальному анализу и оценке в аспекте коммуникативной ситуации его употребления.

Завершить настоящую работу мы бы хотели своим собственным интернет-мемом, в котором, сразу оговоримся, выражена положительная оценка (см. рис. 11).

Рис. 11. Интернет-мем, демонстрирующий приверженность печатным книгам в сопоставлении с электронными и аудио-конкурентами

Электронные ресурсы-источники изображений

Рисунки 1-3, 5, 6, 8-10: <http://vk.com/podzeyy/>.
 Рисунок 4: <http://ok.ru/sdamnaeto/topic/63238024770950/>.
 Рисунок 7: <http://troll-face.ru/>.
 Рисунок 11: (в порядке появления изображений) <http://www.kindle.by/>;
<http://infobooka.ru/audioknigi/>; <http://photoholic24.com/?p=5165/>.

Литература / References

Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности: Сб. ст. / Сост.: А.С. Каргин, А.В. Костина. – М.: ГРЦРФ, 2007.
 Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 151–166.

- Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1997а. – № 3. – С. 62-85.
- Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1997б. – № 4. – С. 106-118.
- Большой толковый словарь русского языка [БТС] / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2002.
- Броди Р. Психические вирусы – М.: Центр психологической культуры, 2002.
- Выналек Е.А. О природе интернет-мема // Современный русский язык в Интернете / Под ред. Я.Э. Ахапкиной, Е.В. Рахилиной. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 51-60.
- Гудков Д.Б., Рассказов А.С. Динамика русского лингво-культурного пространства (на примере прецедентного имени) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 40. – С. 61-67.
- Докинз Р. Эгоистичный ген – М: АСТ: CORPUS, 2013.
- Интернет и фольклор. Сборник статей. – М.: ГРЦРФ, 2009.
- Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
- Красных В.В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. – М.: Парадигма, 2007 – № 8 – С. 53-58.
- Кронгауз М. Самоучитель олбанского. – М.: АСТ: CORPUS, 2013.
- Мичурин Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь: ТвГУ, 2014.
- Нежура Е.А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: КГУ, 2012. – № 2. – С. 47-52.
- Пятниццо. Антология фольклора Рунета / Под ред. А. Гагина и Т. Бокарва. – М.: Рекком, 2007.
- Савицкая Т.Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Культура в современном мире, 2013. – № 3. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://infoculture.rsl.ru/> (Дата последнего обращения 17.05.2015).
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р.Г. Котов – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.
- Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом. – М.: ЛКИ, 2007.
- Шомова С.А. Архетип против мема: константы культуры в политической коммуникации // Материалы XVI Апрельской международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» (Москва, 7-9 апреля 2015 г.) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://conf.hse.ru/2015/program/> (Дата последнего обращения 17.05.2015).
- Щурина Ю.В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации // Известия ВГПУ – Волгоград: ВГПУ, 2013. – № 6 (81). – С. 34-38.

АНГЛИЙСКИЕ МЕТАФОРЫ С КОМПОНЕНТОМ «ПРИРОДА» В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ У-СИН

Лю Сяо (КНР)

ENGLISH METAPHORS WITH THE COMPONENT “NATURE” IN THE LIGHT OF WŪ XÍNG

Liu Xiao (PRC)

ABSTRACT

The article attempts to apply the traditional five-element theory of Chinese philosophy Wū Xíng to the analysis of metaphor with the component “Nature” in British linguo-culture

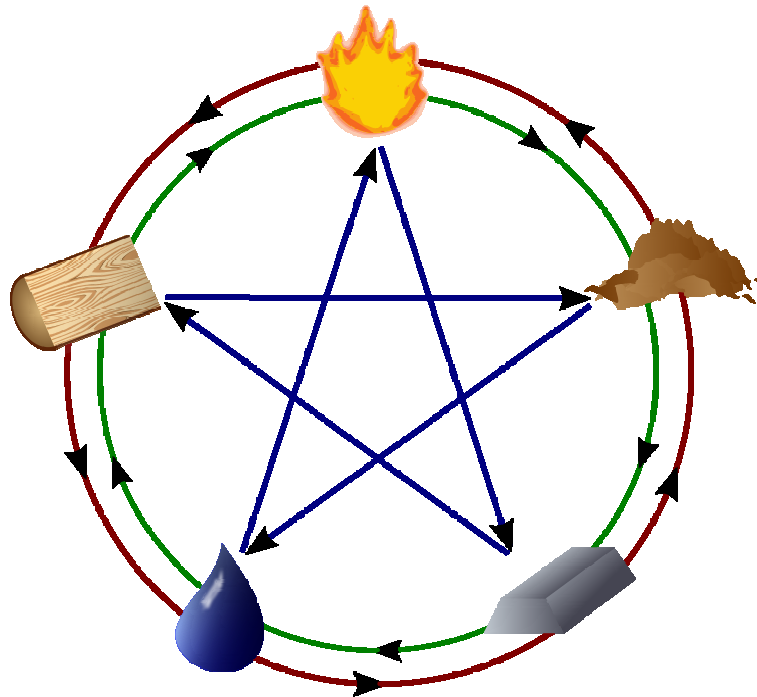
Key words: Wū Xíng, metaphor, British linguo-culture

В статье предпринята попытка применить при анализе метафоры древнекитайское учение о пяти первоэлементах У-син (*wū xíng*, 五行) – одну из основных категорий китайской философии, определяющую основные параметры мироздания.

Ключевые слова: У-син, метафора, британская лингвокультура

На последующих страницах мы попытаемся применить при анализе метафоры древнекитайское учение о пяти первоэлементах У-син (*wū xíng*, 五行) – одну из основных категорий китайской философии, определяющую основные параметры мироздания.

В соответствии с этим учением, весь мир представляет собой комбинацию пяти первоэлементов – Дерева, Огня, Земли, Металла и Воды, которым присущи два основных циклических взаимодействия: *взаимопорождение* (Дерево порождает Огонь, Огонь порождает Землю, Земля порождает Металл, Металл порождает Воду, Вода порождает Дерево) и *взаимопреодоление* (Дерево побеждает Землю, Земля побеждает Воду, Вода побеждает Огонь, Огонь побеждает Металл, Металл побеждает Дерево), см. следующую схему, взятую с электронного ресурса <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:CircleOfElements3Cycles.svg#mediaviewer/File:CircleOfElements3Cycles.svg>:

В традиционной китайской культуре данные пять первоэлементов, их развитие иллюстрируют взаимосвязь вещей. В совокупности с учением об Инь и ян (*yīn yáng*; 阴阳) они позволяют описать почти все виды естественных явлений и наложили глубокий отпечаток на всю традиционную китайскую культуру до её соприкосновения с культурой западной. Одно из наиболее ранних упоминаний концепции о первоэлементах – в книге «Речи Царств» («Го Юй»), см.:

«На восьмом году правления Чжоусского Ювана историограф Бо, отвечая на вопросы чжэнского Хуань-гуна, говорил: "А ведь гармония фактически рождает все вещи (соединяя в себе субстанции с разными свойствами) <...> Так, древние мудрецы смешивали Землю с Металлом, Деревом, Водой и Огнем, создавая благодаря этому все вещи"» [Дун Чжуншу 1990: 125, 127].

Возникнув в эпоху династии Шан и развившись в эпоху династии Чжоу, теория пяти первоэлементов приобрела законченный характер и

однозначно господствовала до самого конца династии Цинь. Естественно, что столь долгое доминирование не могло не привести к тому, что теория пяти первоэлементов органично вошло в само мировоззрение китайского народа.

Нам представляется весьма продуктивным применение теории пяти первоэлементов и к анализу метафоры. Основываясь на принципе подобия формы и функции, наши предки учились видеть подобие и мнимое подобие самых разных явлений окружающего мира. Теория пяти первоэлементов – это своего рода обладающая пятью измерениями система координат, с помощью которой мы можем фиксировать положение практически любого явления. Мы полагаем, что эта система отражает способ человеческого познания, соответствующий также формированию и категоризации метафоры. Тем самым анализ и категоризация метафоры становится при обращении к теории пяти первоэлементов более прозрачным и более убедительным.

Анализируя материал, мы можем встретиться с тем, что один и тот же первоэлемент может выступать в составе разных явлений в разных аспектах. Иначе говоря, пять первоэлементов можно рассматривать как группу абстрактных символов, каждый из которых представляет собой комбинацию определенных атрибутов. Пять первоэлементов взаимосвязаны, они могут как ограничивать, так и усиливать один другого. В данном случае понятие символа очень близко понятию схемы в лингвистике, что подчеркивает продуктивность использования теории пяти первоэлементов в лингвистическом исследовании.

Первоэлемент Золото представлен во всех вещах или явлениях, связанных с функцией очищения, понижения и ограничения, первоэлемент Дерево связан в ростом и развитием, первоэлемент Вода – с предметами и явлениями, отличающимися прохладой, влажностью и снижением, первоэлемент Огонь – с теплотой, жаром, подъемом, восхождением, первоэлемент Земля – с рождением, ношением и приобретением. Названные пять первоэлементов рассматриваются традиционной китайской философией как наиболее существенные в мире и эта категоризация глубоко укоренилась в опыте существования.

Пять первоэлементов усиливают и в то же время ограничивают друг друга, поддерживая тем самым биологический баланс в процессе динамического развития всего в мире. Комбинацией этих пяти первоэлементов является и человек, здоровье которого напрямую зависит от правильной циркуляции этих первоэлементов в его теле. Недостаток или переизбыток того или другого первоэлемента приводит к физическим или ментальным расстройствам.

Мы попытались применить теорию пяти первоэлементов при классификации метафор, которые мы склонны разделить на две большие

группы. К первой группе мы относим метафоры, в которых задействован один первоэлемент, ко второй – комбинация двух и более первоэлементов. Данные группы могут иметь, в свою очередь, внутреннюю структуру, обусловленную дальнейшими факторами.

Предлагаемая таблица иллюстрирует соотнесенность с названными пятью первоэлементами тех или иных классов объектов, цветов, эмоций, звуков и т.д.

стихии	дерево 木	огонь 火	земля 土	металл 金	вода 水
чувства	гнев 怒	радость 喜	задумчивость 思	тоска 悲	страх 恐
органы чувств	глаз 目	кончик языка 舌	рот 口	нос 鼻	ухо 耳
ощущения	зрение 色	осязание 触	вкус 味	слух 香	обоняние 声
цвета	бирюзовый 青	красный 赤	желтый 黄	белый 白	чёрный 黑
вкусы	кислый 酸	горький 苦	сладкий 甘	острый 辛	солёный 鹹
звуки	вздых 呼	смех 笑	пение 歌	плач 哭	стон 呻

направ- ления	восток 东	юг 南	центр 中	запад 西	север 北
времена года	весна 春	лето 夏	межсезо- нье 季夏	осень 秋	зима 冬

Китайское письмо иероглифично, сами иероглифы восходят к картинкам. Анализируя структуру иероглифов, мы можем определить, какие первоэлементы задействованы в каждом из них. Это один из наиболее важных принципов, которых придерживаются родители, давая имена своим детям. Правильно подобранные имена призваны сбалансировать пять первоэлементов у ребенка, компенсируя отсутствие того или иного из них. Гармония пяти первоэлементов гарантирует здоровую и счастливую будущую жизнь ребенка.

На последующих страницах мы попытались классифицировать метафоры, представленные в тексте романа Вирджинии Вульф «Волны», разделив их на пять основных групп в соответствии с концепцией У-син. В процессе категоризации мы использовали принцип сферы, принцип отражения и принцип магнетизма, которые будут описаны по мере анализа примеров, а также на завершающих страницах нашей работы. Предварительно отметим, что принцип сферы соотносим с «теорией фамильного (семейного) сходства» Л. фон Витгенштейна, являющейся одной из основ прототипического подхода к языку и так называемой «прототипической семантики» [Лакофф 1981], а принцип магнетизма исходит из ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера [Faconnier, Turner 2003]. Мы попытались упростить теорию, сделав её доступной максимально большому числу читающих.

Метафоры с компонентом «Золото»

Золото – человеческий ум

Рассмотрим следующие примеры:

1. I need someone whose mind falls like a chopper on a block;
2. When I have passed through this drawing-room *flickering with tongues that cut me like knives*, making me stammer, making me lie, I find faces rid of features, robed in beauty.
3. His words *fall cold* on my head like paving stones;

Первоэлемент Золото используется тогда, когда речь идет о предметах или явлениях, имеющих отношение к металлу, оружию, к огню и к

обеззараживанию. В приведенных предложениях человеческий ум сравнивается с оружием, «ум» с «тесаком». Метафора вскрывает смысловую связь между внезапной догадкой и кинжалом.

Для того, что рассмотреть внутреннюю сущность чего-либо, надо удалить то, что лежит на поверхности и мешает заглянуть внутрь. Для того, чтобы добраться до мяса животного, надо содрать с него шкуру. Оба действия имеют нечто общее: чем острее нож, тем быстрее ты получишь мясо; чем острее ум, тем быстрее ты докопаешься до истины. Следовательно, связь между человеческим умом и ножом установлена.

Второе предложение отличается та же структура, что и первое. Под «языками» подразумеваются произносимые данными языками слова, предложения. Способность говорить неразрывно связана со способностью человека связно мыслить, мыслить остроумно, а остроумие и «острые языки» – вещи взаимосвязанные. При этом в приведенном примере острота слова не только вскрывает правду, но и ранит, приносит боль.

В третьем предложении вскрывается связь между языком и камнем, причем камнем холодным. Камни опасны, когда используются в качестве оружия. Бесстрастность ранящих чужие чувства слов соотносена с холодностью камня. То обстоятельство, что и мышление, и язык ассоциативно связаны с оружием, подтверждает положение о взаимообусловленности человеческого мышления и языка.

Золото – природа

Рассмотрим следующие примеры:

1. The sun *sharpened* the walls of the house.
2. The *yellow warmth in my side turned to stone* when I saw Jinny kiss Louis.
3. Irked her brows with water-globed jewels that sent *lances of opal-tinted light* falling and flashing in the uncertain air like the *flanks of a dolphin leaping, or the flash of a falling blade*.

При том, что метафоры категоризируются нами в соответствии с названными выше пяти элементами, сами они могут основываться на отношениях между этими элементами. Приведенные выше примеры показывают отношения между золотом и другими первоэлементами. В первом и третьем примере свет связан с кинжалом, что основывается на внешнем сходстве.

Золото – эмоция

1. Then Mrs Constable raised the sponge above her head, squeezed it, and out shot, right, left, *all down the spine, arrows of sensation*.

2. And so, as long as we draw breath, for the rest of time, if we knock against a chair, a table, or a woman, *we are pierced with arrows of sensation*--if we walk in a garden, if we drink this wine.

3. *I have a little dagger of contempt and severity hidden up my sleeve.*

4. *All her soul rusted with that grievance sticking in it*, her dismissal from school during the War—poor embittered unfortunate creature!

В первом и во втором примерах эмоция сравнивается со стрелой, разящей издали. Эмоция возникает внезапно, стремительно, она поражает, а ведь это свойства стрелы. Основой для метафоры становится уподобление. Стрела со всей очевидностью является разновидностью оружия, которое может быть отнесено к группе метафор «золото». Что же касается способности эмоции «пронзать», то наиболее характерным в данном плане является второй пример, в котором глагол *rieste* подчеркивает резкость эмоции. В третьем предложении презрение отождествляется с кинжалом, структура же подобна структуре первого и второго примера. Как и оружие, презрением мы можем или ранить кого-либо, или же защищать самого себя. В любом случае речь идет не чем-то опасном.

Употребленная в последнем примере форма *rusted* имплицитно скрывает метафору. Железо покрывается ржавчиной, и такой же ржавчиной для души становится обида, сферы железа и души пересекаются. Железо – нечто вполне конкретное, оно находится в центре своей сферы, однако свойства железа могут быть усилены и распространены и на душу. В результате мы получаем метафору *rusted soul*, душу с атрибутами железа.

Мы выступаем с гипотезой, что каждое понятие образует некую сферу в человеческом сознании, причем у разных понятий данные сферы неодинаковые размеры. Пять самых больших сфер соответствуют пяти первоэлементам У-син. Данные сферы отнюдь не изолированы одна от другой, они пересекаются и взаимодействуют. Например, понятие презрения, соответствующее малой сфере, имеет область пересечения с большой сферой понятия золота. Тот же участок малой сферы, который пересекается с участком сферы большой, становится более выразительным и ясным.

Метафоры с компонентом «Дерево»

Дерево – время

I do not know--your days and hours pass like the boughs of forest trees and the smooth green of forest rides to a hound running on the scent.

Сходство между протекающим временем и растущим деревом в последовательности изменений. Течение времени образно представляют растущие ветви деревьев, которые мы воспринимаем и зрением, и ося-

занием. Одна из наиболее важных функций метафоры – обращение к конкретному понятию для прояснения понятия абстрактного. Впрочем, есть метафоры, проясняющие одно абстрактное понятие через другое и даже метафоры, проясняющие конкретное понятие через абстрактное.

Дерево (одежда) – природа

1. It was no longer half seen and guessed at, from hints and gleams, as if a girl couched on her *green-sea mattress*

2. I desired always to *stretch the night and fill it fuller and fuller with dreams.*

3. On the hills the slow *shadows now broadened, now shrank*, as they passed over.

4. The sea was indistinguishable from the sky, except that *the sea was slightly creased as if a cloth had wrinkles in it.*

5. As they neared the shore each bar rose, heaped itself, broke and swept **a thin veil of white** water across the sand.

6. Meanwhile the *concussion of the waves breaking fell with muffled thuds, like logs falling, on the shore.*

Метафоры, связанные с образами природы могут рассматриваться как метафоры, основанные на взаимосвязи между пяти первоэлементами. В приведенных выше примерах первоэлемент «дерево» рассматривается как «источник» (source domain) метафоры, как центральная по отношению к другим первоэлементам сфера. Упомянутый в первом предложении тюфяк (mattress), как и другие подобные ему изделия текстильной промышленности, мы относим к первоэлементу «дерево», потому что первоначальным материалом для таких изделий были растения. Море соотносится с мягким на ощупь тюфяком, на передний план выступает ощущение мягкости. Впрочем, поскольку тюфяк – продукт современной промышленности, его концепт не может занимать центрального положения в группе «дерево» и ограничивается положением маргинальным.

Во втором предложении метафора базируется на глаголе stretch ‘1. растягивать(ся). 2. напрягать(ся)’. Ночь сопоставляется с сумкой из эластичного материала, который мы можем растянуть, чтобы эта сумка вместила больше снов. Эту метафору мы также склонны отнести к группе «дерево», как и все метафоры, связанные так или иначе с тканым (или нетканым) материалом. Ночь ассоциируется с чем-то неясным и размытым, данная метафора проясняет концепт и приближает его к нам.

В третьем примере используется та же схема. Глаголы *to broaden* 'растягиваться (о ткани)' и *to shrink* 'сидиться (о ткани)' регулярно используются для описания свойств простой ткани, которые могут растянуться в результате носки или сесть после стирки. Метафора связывает нематериальную черную тень с материальной черной тканью. И образ-источник, и образ-цель одного цвета, однако конкретное порождает абстрактное, развивая наши мыслительные способности.

В четвертом примере море предстает перед нами как полотно, а волны – как складки на этом полотне. Мы как будто видим моментальный снимок, сделанный в тот момент, когда движущаяся по поверхности моря волна застывает, накатываясь на другую волну. Зрительный образ синей ткани со складками на поверхности делает образ застывших в стремительном движении океанских волн более конкретным. Осознательный образ материи, в комбинации с чувством холода океанской волны, отпечатывается в нашем восприятии. Живость и богатство чувственного образа способствуют закреплению его в нашем сознании. Именно в этом проявляется «правило экономии» нашего мышления. Освоив один образ, мы осваиваем следующий с меньшими усилиями.

Пятый пример в некотором роде соотносим с четвертым – поверхность воды соотносится с тонкой вуалью, лёгкой и прозрачной. Метафоры вновь стимулируют образы, уже содержащиеся в нашем сознании.

В шестом примере метафора основана на сходстве шума волн, тяжело накатывающихся на берег, и приглушенных ударов падающих на песок тяжелых брёвен. Повторение одного и того же метафорического образа помогает закрепить его в сознании, равно как закрепляет и сопутствующую данному образу информацию. Получается, что в данном случае задача метафоры не создать новое впечатление, а закрепить впечатление старое.

Дерево – человеческие эмоции и деятельность

1. And there is *ripple and laughter like the dance of olive trees*
2. *How intricately love crosses love; love makes knots; love brutally tears them apart.* I have been knotted; I have been torn apart.
3. She had a passion for gloves; but her own daughter, her Elizabeth, *cared not a straw* for either of them.
4. To hear *twigs cracking and feel hooves planted down in the depths of that leaf-encumbered forest, the soul;*

Метафора в первом примере жива и выразительна – оливковые деревья «танцуют», и этому танцу уподобляется человеческое поведение. Мы имеем дело, по сути, с тройной метафоризацией, когда одна метафора (*ripple [of talk]*) метафорически соотносится с другой метафорой

(*dance of olive trees*). Выразительности метафоры способствует и то, что оливковое дерево находится в центре сферы «дерево».

Во втором примере любовь метафорически соотносится с нитью, поэтому она может переплетаться, путаться, завязывать узелки. Получается, что любовь может быть так же легко оборваться, как рвутся нитка. Узелок же может рассматриваться как супружество, а развязывание узелка – как развод.

В третьем примере соломинка обозначает нечто ничтожно малое, которым нельзя не пренебречь. то, что в данном случае речь идет не просто о метафоре, но о так называемой «устойчивой метафоре» (подробнее см. 3 главу настоящей работы), не нарушает логики метафорического переноса, который, как мы полагаем, продолжает восприниматься носителями английского языка.

В четвертом предложении соотносятся человеческая душа и обильные листвою лесные заросли. Областью пересечения обозначенных концептуальных сфер являются загадочность и глубина, которые и становятся основным объектом восприятия в данном контексте.

Дерево – человек

1. I wish to ***be harnessed to a cart***, a vegetable-cart that rattles over the cobbles.

2. Let them fail and I am full of holes, ***dwindling like burnt paper***.

3. 'we became clothed in this changing, this feeling garment of flesh.'

4. Your voices sound ***like*** trees creaking in a forest.

5. I tremble, I quiver, ***like the leaf in the hedge***, as I sit dangling my feet, on the edge of the bed, with a new day to break open.

6. even my thin legs ripple ***like a stalk in the wind***.

В первом предложении упоминается повозка зеленщика (vegetable-cart) – весьма специфический вид транспорта, изготовленный из дерева. Изготовить повозку стоит немало человеческого труда, поэтому она не находится в центре сферы «дерево», однако сама принадлежность её к данной сфере сама по себе сомнений не вызывает. Хотя высказывание и нелепо на первый взгляд, оно обладает неким смыслом. Говорящий не хочет больше напряженно думать, он желает стать бессловесным и бездумным животным, тянущим повозку зеленщика по бульжникам. Конечно же, возможны и иные интерпретации. Рассматриваемый метафорический перенос способен восприниматься неодинаково разными людьми, так что каждый способен сам сформулировать его смысл.

Как нам представляется, в метафорах такого рода объект находится тем дальше от центра сферы «дерево», чем больше человеческого труда в его изготовление вложено.

Во втором примере метафора связывает человека и горящую/сожженную бумагу. Данная метафора призвана прояснить внутреннее состояние человека, теряющего ощущение собственного существования, которое исчезает, съезживается так же, как сгорающая в пламени бумага.

В третьем примере метафора связывает чувство и одежду. Не обладая чувствами, мы уподобляемся голым животным, обезьянам, нагота которых не мешает ни им, ни кому другому. Цивилизация творит одежду, скрывающую наше варварство. Чувство – это тоже одежда, оно покрывает нашу душу так же, как одежда – наше тело.

В четвертом примере метафора связывает человеческие голоса и скрип деревьев в лесу. Отметим неясность и многозначность данной метафоры: мы не можем сказать, комплимент ли данное высказывание или оскорбление, и лишь самый широкий контекст может помочь ответить на этот вопрос.

В пятом и шестом примере использовано одно и то же сопоставление: человек дрожащий от холода или страха, соотносится с дрожащим на ветру листом в живой изгороди / тростинкой на ветру. Следует отметить при этом, что последний из примеров имеет более сложную структуру, так как содержит еще одно образное сопоставление – упоминаемая худоба ног (*thin legs*) подчеркивается употреблением лексики тростинка (*a stalk*). Что же касается глагола *girple* 'покрывать рябью', то он способен активизировать метафоры, связанные с водой и воздухом.

Дерево – человеческие чувства

I am wrapped round with phrases, like damp straw; I glow, phosphorescent.

Язык и мышление нераздельны. Фразы уподобляются мокрой траве, и общее между ними – трудность избавиться от них. Обидные слова будут помниться долго, и они так же неприятны, как липнувшая к телу мокрая трава.

My imagination is the body's. Its visions are not fine-spun and white with purity like Louis'.

В данном примере наше воображение соотносится с вязаным изделием, наш мозг оказывается чем-то вроде вязального станка, а наши мысли – трикотажем. Коль скоро представления не отличаются «хитросплетением» (*fine-spun*) и белизной, то и воображение далеко от идеального (мы исходим из предпосылки, что белизна – идеальное качество для белья).

The canopy of civilization is burnt out.

В данном примере цивилизация соотносится с шатром, предоставляющим убежище для людей от враждебного окружения. Уничтожение шатра – уничтожение цивилизации.

'My roots go down through veins of lead and silver, through damp, marshy places that exhale odours, to a knot made of oak roots bound together in the centre.

Человеческое существо соотносится с растением, корни которого уходят глубоко в землю. Корни растения – это мысли и чувства, которые могут простираться далеко вдаль и вглубь неизведанного.

All my senses stand erect.

Чувства абстрактны и нематериальны, так что в приведенном примере не может быть речи о буквальном значении, но лишь о значении метафорическом – все мои чувства на взводе, готовы к действию. Живое, не завянувшее растение стоит прямо, так что и все мои чувства живы. Иначе говоря, подвергнув данное высказывание когнитивному анализу, его значение можно сформулировать следующим образом: 'Все мои чувства нормально функционируют, как нормально функционирует вытянувшее ввысь растение'.

Дерево – человек

I saw old men's faces carved into wrinkles and sneers by the work of the world;

В приведенном примере метафорично само употребление глагола *carve* 'вырезать', а окружающая действительность метафорически уподобляется резцу, кинжалу или какому-либо иному острому орудию. Время оставляет морщины на лице стареющего человека и трещины на грубеющей коре растущего дерева. Взаимное наложение названных сфер делает метафору возможной.

Дерево – природа

1. *The being grows rings, like a tree. Like a tree, leaves fall.*

2. *The scene beneath me withered. It was like the eclipse when the sun went out and left the earth, flourishing in full summer foliage, withered, brittle, false.*

Оба примера связывают существование / мир с растением – деревом или цветком. Бесконечности нет, всё когда-нибудь начинается и когда-нибудь заканчивается. Будучи процессом, это всё может быть соотносено с растением. Метафора, связывающая существование и дерево,, имеет ту же структуру, что и метафора, связывающая закат и цветок.

Метафоры с компонентом «Вода»

Вода – природа

The earth absorbs colour like a sponge slowly drinking water.

Представленная в данном примере метафора основывается на внешнем сходстве земного шара и овальной кубки, однако это внешнее сходство поддерживает сходство функциональное – земле приписывается способность впитывать цвета, аналогичное способности губки впитывать воду.

*Everything became softly amorphous, as if the china of the plate **flowed** and the steel of the knife were **liquid**.*

Структура метафоры, представленной в данном примере, очевидна, хотя и необычна – она связывает фарфор тарелки и сталь клинка с водой. Архетипическим свойством воды является расплывчатость и изменчивость, и вот неожиданно «плывут» обычно предельно прочные и жесткие клинок и фарфор.

Как мы видим, создание метафоры совсем не предполагает полного и даже частичного наложения концептуальных сфер, достаточно их частичного пересечения, речь может идти о наложении одной сферы и «отрицания» сферы другой.

*'Oh, to crumple this telegram in my fingers--to let the light of the world **flood back**--to say this has not happened!*

Метафора основана на глаголе *to flood* 'хлынуть потоком'. Феномен *light of the world* проясняется через образ движущейся воды. И свет, и наводнение стремительны и неукротимы. Автор нашел метафору, максимально соответствующую его намерению выявить свойства объекта.

We are all swept on by the torrent of things grown so familiar that they cast no shade.

В данном примере метафора также связывает некоторые предметы и воду, однако связывает их иным способом. Автор обращает внимание на специфическое свойство – способность не отбрасывать тени. Иначе говоря, хотя концептуальные сферы могут пересекаться самым разнообразным способом, в каждый конкретный раз актуализуется то их пересечение, которое в данный момент интересно автору.

*She had burst open the French windows and **plunged at Bourton into the open air**.*

*How fresh, how calm, stiller than this of course, the **air was in the early morning; like the flap of a wave;***

В обоих приведенных примерах воздух соотносится с водой. Весьма выразительными оказываются глагол *to plunge* 'нырять' и сочетание *flap of a wave* 'биение волны'. В нашей наивной картине мире вода более материальна, более вещественна, чем воздух, хотя между данными кон-

цептами есть много общего: и воздух, и вода не имеют определенной формы, они способны проникать сквозь трещины, преодолевать барьеры и т.д.

But that somehow in the streets of London, on the ebb and flow of things.

В данном примере движение прохожих и машин на улицах Лондона уподобляется морским приливам и отливам, речь опять идет о центральной части концептуальной сферы «вода».

В о д а – м ы ш л е н и е

1. *I covered the whole street, Oxford Street, Piccadilly Circus, with the blaze and ripple of my mind, with vine leaves and raised leaves.*

2. *My philosophy, always accumulating, welling up moment by moment, runs like quicksilver a dozen ways at once.*

В первом примере совершенно явственно речь идет о метафоре, основанной на пересечении концептов «вода» и «мышление». Область взаимного наложения данных концептов – гибкость и подвижность.

Во втором предложении человеческое мышление (*my philosophy*) также прямо соотносится с движением воды, ср. употребление причастия глагола *to well up* ‘хлынуть, брызнуть, забить ключом’.

В о д а – э м о ц и и

And I felt my indifference melt.

Love is not a whirlpool to her.

As if this beauty, this scent, this color, and Miss Pym liking her, trusting her, were a wave which she let flow over her and surmount that hatred, that monster, surmount it all;

В приведенных выше и подобных примерах концептуальная метафора связывает человеческую эмоцию и водную стихию в каком-либо из её проявлениях – водоворот, волна, тающий лёд и т.д. Особо отметим множественность представлений воды – от полного покоя (лёд) до его полной противоположности (водоворот).

В о д а – р а з у м

While the fringe of my intelligence floating unattached caught those distant sensations, which after a time the mind draws in and works upon;

В приведенном примере концепт человеческого разума и концепт воды связывается метафорой, использующей глагол *to float* ‘плыть’. Общее концептуальное пространство связано с понятиями ‘способность изменяться’, ‘включать в себя всё что угодно’, ‘приспосабливаться к новым условиям’ и т.д.

Вода – время

Tuesday Monday: Wednesday, Tuesday. Each spreads the same ripple.

В приведенном примере концептуальная связь времени и воды очевидна. Дни недели, подобно бросаемым в воду камням, оставляют совершенно одинаковые расходящиеся по поверхности круги. Зона пересечения концептуальной сферы «время» и концептуальной сферы «вода» включает свойство неустойчивости, поток времени так же неостановим, как водный поток.

1. *'And time,' said Bernard, 'lets fall its drop.*

2. *Time tapers to a point. As a drop falls from a glass heavy with some sediment, time falls.*

3. *What has permanence? Our lives too stream away, down the unlighted avenues, past the strip of time, unidentified.*

Во всех трех приведенных выше примерах мы находим метафоры, основанные на наложении концептуальной сферы «вода» и концептуальной сферы «время». Ключевыми словами являются слова *drop* 'капля', *to fall* 'падать', *stream away* 'уплыть прочь'.

Вода – природа

1. *The flowers swim like fish made of light upon the dark, green waters.*

2. *The chorus, like a torrent jumping rocks, brutally assaulting old trees, pours with splendid abandonment headlong over precipices.*

3. *Night has wheeled a little further over the chimney-pots.*

4. *Now the cool tide of darkness breaks its waters over me.*

5. *We must oppose the waste and deformity of the world, its crowds eddying round and round disgorged and trampling.*

Представленные в приведенных выше примерах метафоры имеют усложненную структуру. «Цветок» принадлежит к концептуальной сфере «дерево», «свет» – концептуальной сфере «огонь», а «рыба» – концептуальной сфере «вода». В результате мы имеем дело с комбинацией трех первоэлементов, что производит на читателя сильное и весьма своеобразное, но при этом гармонизирующее впечатление.

Метафоры с компонентом «Огонь»

Огонь – свет

1. *Its light slanted, falling obliquely. Here it caught on the edge of a cloud and burnt it into a slice of light, a blazing island on which no foot could rest.*

2. *An arc of fire burnt on the rim of the horizon, and all round it the sea blazed gold.*

3. Then she raised her lamp higher and the air *seemed to become* fibrous and to tear away from the green surface **flickering and flaming in red**

4. 'And **burning lights** from the window-panes flash in and out on the-grasses,' said Louis.

5. The sun is hot. I see the river. I see trees **specked and burnt in the autumn sunlight**.

6. Then another cloud was caught in the light and another and another, so that the waves beneath were arrow-struck **with fiery feathered darts that shot erratically across the quivering blue**.

7. But there is a **kindling in the sky** whether of lamplight or of dawn.

8. Flowers, **burning like sparks** upon the depths of green;

Во всех приведенных выше примерах метафора связывает концептуальную сферу «огонь» и концептуальную сферу «свет». В принципе сферу «свет» можно поместить внутри сферы «огонь», так как большая сфера может поглощать меньшую.

Рассмотрение приведенных и подобных примеров вынуждает нас прийти к заключению, что сфера «свет» действительно является поглощенной сферой «огонь», см. концепты, связанные со словами *blaze* 'пламя', *to burn* 'сжигать', *fiery* 'огненный', *to kindle* 'воспламенить' и им подобными.

Огонь – человек

1. We were extinguished for a moment went out **like sparks in burnt paper and the blackness roared**.

2. I leap **like** one of those **flames** that run between the cracks of the earth;

3. I would go with you through the **fires of death**.

4. My body goes before me, **like a lantern down a dark lane, bringing one thing after another out of darkness into a ring of light**.

Коль скоро концептуальная сфера «огонь» включает в себя пространство концептуальной сферы «свет», Мы можем отнести метафоры с компонентом «свет» к группе метафор, входящих в концептуальную сферу «огонь». Все четыре приведенные выше метафоры основаны на пересечении концептуальной сферы «огонь» и концептуальной сферы «человек». Для первых двух примеров это очевидно – человеческие существа метафорически отождествляются с искрами, пробегающими по горящей бумаге, либо с языками пламени, вырывающимися из расколов земной коры. В третьем примере пламя связано со смертью. Огонь освещает людей, но он же может их погубить. В античности некоторые народы почитали огонь и в то же время боялись его.

Огонь – мышление

1. What he was saying **wavered in the air like an uneasy flame**.

2. *'Those are **yellow words, those are fiery words,**' said Jinny.*

3. *My witticisms "run like wildfire through the court".*

4. *What do we oppose, with this random **flicker of light** in us that we call brain and feeling, how can we do battle against this flood;*

В первых двух приведенных выше примерах энергия слов выражается через образы, связанные с огненной стихией, мы обнаруживаем *uneasy flame* 'беспокойное пламя' и *fiery words* 'огненные слова'. Метафора базируется на пересечении концептуальной сферы мышления (ведь язык, как мы знаем, связан с мышлением неразрывно) и концептуальной сферы огня. И мышление, и огонь запускают одни и те же ассоциативные процессы, что делает метафорический перенос возможным.

В третьем примере связь остроумия и пламени уже непосредственна, и глагол *to run* 'бежать' проявляет их общих атрибут – способность стремительно распространяться.

В последнем примере наш ум и наши эмоции метафорически уподобляются вспышкам света – одного из атрибутов огня. Свету и знаниям противопоставлены тьма и невежество. Мы ничего не видим в темноте, но свет может вести нас. И знания, и свет нужны для того, чтобы изучать окружающий нас мир.

Огонь – эмоции

1. *'After the **capricious fires, the abysmal dullness** of youth,' said Neville, 'the light falls upon real objects now.*

2. *I know **what loves are trembling into fire; how jealousy shoots its green flashes hither and thither;***

3. *Angular as an icicle in silver, or voluptuous as a candle flame in gold.*

4. *She, too, was going that very night to **kindle and illuminate;***

5. *And there the motor car stood, with drawn blinds, and upon them a curious pattern like a tree, Septimus thought, and this gradual drawing together of everything to one center before his eyes, as if **some horror had come almost to the surface and was about to burst into flames,** terrified him.*

6. *Dulled their feelings, for Miss Kilman would do anything for the Russians, starved herself for the Austrians.*

В первом примере нелегко определить доминирующую концептуальную сферу. Если мы решим, что основной является концептуальная сфера огня, то свойство непостоянство человеческой природы станет подчиненной концептуальной сферой, пересекающейся со сферой доминирующей. Общим качеством тогда будет «способность изменяться». С другой стороны, мы можем рассматривать в качестве доминирующей именно сферу непостоянства человеческой природы, тогда сфера огня будет подчиненной.

Во втором примере доминирующая позиция сферы огня не вызывает сомнения. Метафора основывается на развитии узнаваемого шекспировского образа: Яго притворно предостерегает Отелло от ревности, называя её «чудовищем с зелеными глазами» (the green-eyed monster), а здесь мы видим, как это чудовище извергает зеленые вспышки пламени.

В третьем предложении метафора амбивалентна: один и тот же образ способен предстать перед нами и в качестве золотого пламени свечи, и серебряной сосульки. Одна и та же округлость формы способна метафорически обернуться и ледяной сосулькой, и пламенем свечи, и холодом, и жаром, и серебром, и золотом.

В последних трех предложениях устанавливается метафорическая связь между огнем и сильными эмоциями – страха, ужаса и страсти. Как и огонь, страсти способны уничтожить человека, но они же и подвигают его на свершения.

Метафоры с компонентом «Земля»

Земля – символ всего растящего и лелеющего. Земля порождает новую жизнь, она же предоставляет нам фундамент для всего нашего существования. В английском языке, как и в китайском, земля прочно ассоциируется с матерью, вспомним Motherland и 大地母亲. Однако в то же самое время как «земля» ассоциируется с чем-то святым и чистым, «грязь» (земля, перемешанная с водой) обладает прямо противоположными коннотациями. В английской культуре концепт «грязь» связан с чем-то неприятным и уродливым, в чем-то, что вы склонны скрывать от окружающих, ср. *I am sure we can find some dirt on him; he is a dirty dog; the attorney loves to play dirty*. В китайской же лингвокультуре слово 涂 tú 'грязь, глина' также может ассоциироваться с чем-то негативным, но это что-то принципиально иного характера – речь может идти о людях старомодных, со странной внешностью или поведением.

Земля – эмоции / разум

1. *'Those are **white words**,' said Susan, 'like stones one picks up by the seashore.*

2. *Its **golden grain falls**, fertilizing, upon the **rich soil of my imagination**.*

3. *We cannot attach the **width and spread of our feelings** to so small a mark.*

В первом примере слова метафорически соотносятся с камнями, разбросанными по берегу моря, и обретают тем самым весомые характеристики.

Во втором примере воображение метафорически отождествляется в богато удобренной почвой, способной породить новые идеи.

В третьем из приведенных примеров чувствам приписываются свойства ширины и протяженности, которыми обычно характеризуются земельные участки, и это имплицитно свидетельствует, что автор соотносит человеческую эмоцию с участком земли. Поскольку у нас нет единиц для измерения эмоций, мы обращаемся к измерениям землемеров.

Земля – жизнь

Let us again pretend that life is a solid substance, shaped like a globe, which we turn about in our fingers.

Метафорический перенос приписывает жизни свойства шарообразной твердой субстанции. Описание чего-то напоминающего землю в миниатюре способно вызвать ассоциацию с валуном или булыжником. Наша жизнь, проходя оборачивается разными сторонами, подобно калящемуся по склону булыжнику.

В принципе, вся наша дорога жизни и любви неотделима от земли, так как без земли нет и дороги. Тем самым большая концептуальная сфера земли пересекается с меньшими концептуальными сферами дороги и путешествия.

Земля – жизнь

1. *Time, which is a sunny pasture covered with a dancing light, time, which is widespread as a field at midday, becomes pendant.*

2. *The hard stone of the day was cracked.*

В первом примере время соотносится с «полем в полдень», с «пастьбищем, на котором пляшет свет». Описываемый полдень как бы напоминает нам, что день достиг зенита, что он идет на убыль. Земля меняется, она одна днем и другая ночью. Время, как и природа в своем зените, юно и полно энергии в полдень, но угасает к ночи. Свет невидим в тенях, которые от бросает на землю. Земля невидима во мраке, когда отсутствует свет, а без смен дня и ночи было бы незаметно и время.

Метафора, представленная во втором примере, более однозначна. День отождествляется с «твердым камнем». Подобно тому, как камень – часть мостовой, которая ведет нас куда-то, день – часть нашей жизни. Треснувший под нашей ногой камень мостовой – день, который был прожит не так, как другие дни.

Метафоры с компонентом «Дом» (подгруппа метафор с компонентом «Земля»)

Дом – сознание

1. *Rich and heavy sensations form on the roof of my mind;*

2. *'The still mood, the disembodied mood is on us,' said Rhoda, 'and we enjoy this momentary alleviation (it is not often that one has no anxiety) when the walls of the mind become transparent.*

3. *Yet there are moments when the walls of the mind grow thin;*

4. *'Drop upon drop,' said Bernard, 'silence falls. It forms on the roof of the mind and falls into pools beneath.*

Все приведенные выше примеры иллюстрируют одну и ту же базовую метафору: наше сознание (mind) – это дом, у которого есть стены (walls) и крыша (roof). Подобно тому, как дом вмещает мебель и визитеров, наше сознание способно вмещать в себя знания и идеи. В обоих случаях речь идет о некоем «вместилище» (container), известном из работ по концептуальной метафоре. Отметим, впрочем, что сознание не обладает свойствами конкретных форм и детализированных измерительных единиц, возможных в случае со зданием. Тем самым предварительным обязательным условием подобных метафор являются:

1) Очевидное сходство между сопоставляемыми концептуальными сферами;

2) Неприменимость детализированных измерительных единиц по отношению к одной из данных двух концептуальных сфер.

К метафорам, основанным на восприятии человеческого сознания как вместилища можно отнести также следующие примеры:

1. *It is not vanity; for I am emptied of ambition;*

2. *From discord, from hatred my shattered mind is pieced together by some sudden perception.*

Как уже отмечалось в рассуждении о соотносительности концептуальной сферы дома и концептуальной сферы человеческого сознания, одна и та же структура может использоваться при описании различных концептуальных сфер в случае хотя бы частичного совпадения некоторых их участков. Так, в первом примере атрибут «пустой» (empty) призван объединить концептуальную сферу вместилища и человеческого сознания. Следует при этом отметить, что нередко в качестве вместилища для сознания рассматривается «сердце», ср. многократно используемое в массовой культуре сочетание ambitious heart, например,

<http://www.raystedman.org/new-testament/mark/the-ambitious-heart>

<http://www.desicommments.com/poems/nature-poems/ambitious-heart/>

<http://www.imdb.com/title/tt2851002/>

<https://www.facebook.com/forambitioushearts>

<http://ambitious-hearts.deviantart.com/>

<http://server.firefighters.org/stedman/stedmandvd/mark/3320.html>

Сердце воспринимается в качестве источника человеческих эмоций и человеческого сознания, а потому разделяет общие атрибуты вместилища.

Обращаясь ко второму примеру, мы можем отметить еще одно концептуальное сходство. Самым примитивным и исторически, вероятно, одним из первых вместилищ был глиняный горшок. Будучи обожженным в костре, он мог какое-то время вмещать в себя воду, однако был непрочным. Его легко можно было разбить на куски. Вот и «разум» во втором примере оказывается разбитым вдребезги.

Метафоры с компонентом «Конкретный объект»

Конкретный объект – абстрактное явление

В соответствии с традиционной для Китая философией даосизма, всё в мире может быть классифицировано на основе теории пяти первоэлементов. Попытка классифицировать часть формирующих английскую лингвокультуру концептуальных метафор на основе данных пяти элементов была предпринята на предыдущих страницах. На последующих страницах будут рассмотрены концептуальные метафоры, связь которых с упомянутыми пяти первоэлементами не столь очевидна. Находящиеся в нашем распоряжении примеры могут быть сгруппированы по признаку «предмет естественного происхождения»/«артефакт».

1. *I was blown **like a feather**, I was wafted down tunnels.*
2. *The sky is dark as **polished whalebone**.*
3. *I sing my song by the fire **like an old shell murmuring on the beach**.*

В приведенных выше примерах в основу базовую для каждого примера концептуальную сферу образуют предметы естественного происхождения – перо (*feather*), китовый ус (*whalebone*), раковина (*shell*). Основным атрибутом первой концептуальной сферы является лёгкость, второй – цвет, третьей – шум моря и особая атмосфера морского пляжа.

Метафоры, рассматриваемые ниже, основаны на артефактах.

The following few sentences are metaphors based artificial objects:

1. *For Bernard is **a dangling wire**, loose, but seductive.*
2. *"Oh save me, from being blown for ever outside **the loop of time!**"*
3. *She sucks in her lips, assumes an **air of intensity**, inflates herself and hurls herself precisely at the right moment **as if she saw an apple and her voice was the arrow into the note**, "Ah!"*
4. *How you snatched from me the **white spaces that lie between hour and hour and rolled them into dirty pellets and tossed them into the waste-paper basket with your greasy paws**.*

Провисший провод из первого примера представляет потенциальную опасность: он провоцирует проверить, под напряжением он или нет. Петля времени во втором примере может символизировать некую застывшую и бесконечно повторяющуюся последовательность событий, но также и бесконечный бег времени. Отождествление голоса и стрелы

в третьем примере подчеркивают силу и энергию речи. В четвертом примере метафорическая объективизация времени достигается за счет соотнесения пройденных часов с белыми (то есть никак не помеченными) участками циферблата часов, а также с выбрасываемыми в корзину для бумаг смятыми (и тоже белыми!) листами. Не заполняя наше время плодотворной деятельностью, мы теряем его так же, как теряем забракованные и выброшенные в корзину для бумаг страницы.

Таким образом, метафорическая связь может быть осуществлена не только между статическими объектами, но также и между статическим объектом и некой деятельностью или процессом. При этом не вызывает никакого сомнения обстоятельство, что анализ динамического элемента метафорической пары более сложен.

I keep my phrases hung like clothes in a cupboard, waiting for someone to wear them.

Образ висящей в шкафу одежды может интерпретироваться самыми разными способами. Пока одежда висит в шкафу, её никто не видит, однако в любой момент она может «появиться», быть увиденной. Мы часто покупаем праздничную одежду, чтобы надеть её в определенный момент по определенному случаю. Точно так же и удачные формулировки могут «приобретаться» нами и храниться в нашем сознании до подходящего случая.

Метафоры с компонентом «Объект живой природы»

Объект живой природы – человек

Хотя человек с биологической точки зрения является частью живой природы (тип: *хордовые*, класс: *млекопитающие*, отряд: *приматы*, семейство: *гоминиды*; род: *люди*, вид: *человек разумный*, подвид: *человек разумный разумный*), мы привыкли рассматривать себя как скорее «царей природы», чем как её представителей. Поэтому в случае с отождествлением человека с тем или иным представителем живой природы речь идет, как правило, о метафорическом переносе.

1. *I am like a hound on the scent. I hunt from dawn to dusk.*
2. *Therefore we cluster like maggots on the back of something that will carry us on.*
3. *I feel myself carried round like an insect on top of the earth and could swear that, sitting here; I feel its hardness, its turning movement.*
4. *I dine out and gape like a codfish.*
5. *We battle together like beasts fighting in a field, like stags making their horns clash.*
6. *I have gone buzzing like a swarm of bees, endlessly vagrant, with none of your power of fixing remorselessly upon a single object.*

7. *Many troops of men flocking hither and thither in quest of civilization like flocks of birds migrating seeking the summer;*

Во всех приведенных выше примерах человек метафорически соотносится с тем или иным объектом живой природы, и это соотношение каждый раз фиксирует внимание читателя на том или другом аспекте поведения или характера героя или героев. Так, в первом примере упор делается на способности выслеживать добычу, во втором – на склонности паразитировать на чьей-то доброте, в третьем – на ничтожности человеческого существования, в четвертом – на внешнем подобии зевнувшего человека и раскрывшей рот трески, в пятом – на способности к единоборству и т.д. Шестой и седьмой примеры подчеркивают человеческий коллективизм, люди уподобляются стае птиц или рою пчёл.

На основании рассмотренных выше примеров мы можем выявить следующие закономерности образования и функционирования метафоры:

(1) Употребление связующих маркеров делает метафору более эффективной.

(2) Чем в большее число метафорических соответствий вступает концептуальная сфера, тем выше её выразительность.

(3) Из двух концептуальных сфер ближе к центру оказывается та, выразительность которой выше.

Объект живой природы – эмоция

'Now the agony begins; now the horror has seized me with its fangs,' said Neville.

Данный пример является живой иллюстрацией закономерности (3) из предыдущего параграфа. Хищник с оскаленными клыками формирует гораздо более «материальную» и более выразительную концептуальную сферу, чем абстрактная концептуальная сфера «агонии». В результате концептуальная сфера «страха» метафорически сдвигается в концептуальную сферу «хищника».

Подобно тому, как более сильный магнит притягивает сильнее, чем магнит более слабый, так и более выразительные концептуальные сферы вступают в метафорические отношения с иными концептуальными сферами чаще, чем концептуальные сферы менее выразительные.

Объект живой природы – объект неживой природы

1. *'The breath of the wind was like a tiger panting,' said Rhoda.*

2. *The waves fell; withdrew and fell again, like the thud of a great beast stamping.*

3. *Cheep, cheep, creaks the fire, like the cheep of insects in the middle of a forest.*

Во всех трех приведенных примерах мы наблюдаем метафорическую связь между объектами живой и неживой природы. Ветер дышит, как уставший тигр, удары волн уподобляются звукам шагов огромного зверя, в потрескивании огня слышится трескотня насекомых в лесу. Концептуальные сферы ветра, волн, огня в нашем сознании «достраиваются» с опорой на уже существующие и более выразительные концептуальные сферы тигра, огромного зверя, роя насекомых.

Объект живой природы – время

'Time's fangs have ceased their devouring.

Как и в одном из рассмотренных выше случаев, содержащаяся в данном примере метафора основана на явно доминирующем положении концептуальной сферы «хищника», клыки которого угрожают будущей жертве.

Метафоры с компонентом «Человек»

В соответствии с концепцией У-син, человек представляет собой гармоничную комбинацию пяти первоэлементов (Дерева, Огня, Земли, Металла и Воды), баланс которых в организме является основой физического и психического здоровья. Поскольку те же пять первоэлементов формируют и окружающую нас природу, мы можем метафорически связать с человеком практически любой природный объект.

Человек – объект неживой природы

1. *The wave paused, and then drew out again, **sighing** like a sleeper whose breath comes and goes unconsciously.*

2. *'The leaves are gathered round the window like pointed ears,' said Susan.*

Несмолкаемое движение волн метафорически соотносится с дыханием спящего человека. Форма (и, возможно, цвет, если дело происходит осенью) набившихся вокруг окна листьев напоминает человеческое ухо. Как мы видим, одна и та же структурная схема образования метафорического переноса срабатывает и с абстрактным, и с конкретным объектом неживой природы.

Человек – артефакт

1. *The train now **stamps** heavily breaths torturously, as it climbs up and up.*

2. *The **throb** of the motor engines sounded like a pulse irregularly drumming through an entire body.*

Как уже отмечалось, концепция У-син не предполагает анализа артефактов. Тем не менее мы попытались применить её положения и к

метафорам, связывающим концептуальную сферу человека с концептуальной сферой артефакта. В первом примере поезд «тяжело топают» (*stamps heavily*) и «с натугой дышит» (*breaths torturously*), подобно уставшему человеку или животному. Во втором же примере связь между тактами мотора и человеческим пульсом еще более очевидна.

Проведенный нами анализ позволил сделать некоторые наблюдения относительно сходств и различий в британской и китайской лингвокультурах. В обеих сопоставляемых лингвокультурах цветок может символизировать изящество красивой женщины, а рост дерева – изменения в человеческой жизни. Тем не менее налицо и целый ряд особенностей.

Британская женщина часто сравнивается с розой, при этом речь идет о красоте. В традиционной же китайской культуре при сравнении женщины с цветком на первый план выходит деликатность и мягкость.

В то время как в британской лингвокультуре метафоры с компонентом «дерево» представляют соотнесение с деревом в целом, при этом весьма важна согласованность различных его элементов, китайские метафоры включают в себя прежде всего отдельные элементы дерева – ветви, листья, ствол, корни и т.д. Интерес представляет и тот факт, что в традиционной китайской лингвокультуре метафорическое значение оказывается закрепленным за некоторыми объектами. Так, *цветок персика* устойчиво ассоциируется с романтической любовью, *ива* – с кокетливой женщиной, *цветок сливы*, *орхидея*, *бамбук* и *хризантема* – с гордостью, скромностью, стойкостью и спокойствием, соответственно.

В случае с метафорами с компонентом «золото» прослеживается та же закономерность, что и в случаях, рассмотренных выше. В то время как для британской лингвокультуры характерно соотнесение с металлом (или с драгоценным камнем) в целом, для традиционной китайской лингвокультуры более свойственна детализация. Так, мы можем встретить «стальной мочевой пузырь и медное сердце», «золотую фольгу лица», «стеклянную печень» и т.д.

Для традиционной китайской лингвокультуры, как и для лингвокультуры британской, достаточно обычно метафорическое восприятие времени как потока – в обоих случаях говорится о неостановимой «реке времени». Тем не менее следует отметить как минимум одно очень важное различие в традициях восприятия данной метафоры. Когда представитель британской лингвокультуры представляет себе поток времени и себя в этом потоке, он видит себя стоящим лицом против течения, вода (= время) набегаем на него, а он грудью встречает наступающие [букв. наплывающие на него] события, он борется с нападающим на него временем. Представитель же традиционной китайской лингвокультуры видит себя стоящим лицом по течению времени, он не борется с пото-

ком времени, а старается максимально гармонизировать себя в нем. Важнейшей особенностью традиционного китайского менталитета – стремление к гармонии, сбалансированности противоположных качеств, что индизказательно выражается в метафорическом соотнесении человека с наполненным водой сосуде: если мы попробуем налить воды больше, чем надо, она перельется через край и пропадет, если же мы нальем воды меньше, чем надо, сосуд будет неустойчив.

Метафор с компонентом «огонь» в традиционной китайской лингвокультуре существенно меньше, чем метафор с компонентом «вода», и это заметно контрастирует с обилием подобных метафор в лингвокультуре британской.

Что же касается метафор с компонентом «земля», ко их в традиционной китайской лингвокультуре мы можем найти, пожалуй, не меньше, чем в лингвокультуре британской. То же будет справедливо и для их разнообразия, что связано, по нашему мнению, с важностью крестьянской культуры в истории китайского общества.

Литература / References

- Го Юй (Речи Царств) / Отв. ред. М.В. Крюков. – М.: Наука, 1987.
- Дун Чжуншун. Смысл пяти элементов // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990. – С. 125-127.
- Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с пред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Fauconnier G., Turner M. Metaphor, Metonymy, and binding // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / Ed. By René Dirven; Ralf Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.

МИР СЛАВЯН

А. И. Изотов

THE WORLD OF SLAVS

A.I. Izotov

ABSTRACT:

The elective course of Slavic history is read to MA students of Slavic department, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University.

Keywords: Slavic history, Slavic studies, Slavic languages, Academic English

Ключевые слова: история славян, славистика, славянские языки, англоязычный славистический текст

Цели и задачи освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Мир славян (читается на английском языке)» являются:

- освоение основной англоязычной славистической терминологии;
- приобретение знаний и навыков, достаточных для профессионального общения на английском языке в области современной славистики.

Место дисциплины в структуре ООП

А. Информация об образовательном стандарте и учебном плане:

- тип образовательного стандарта и вид учебного плана: ММ – магистр МГУ;
- направление подготовки (в соответствии с образовательным стандартом): «Филология»;
- наименование учебного плана: «Филология»;
- магистерская программа: «Полонистика».

Б. Информация о месте дисциплины в образовательном стандарте и учебном плане:

- вариативная часть, профессиональный цикл; 1 семестр I курса магистратуры; курс по выбору.

В. Перечень дисциплин, которые должны быть освоены для начала освоения данной дисциплины:

Курс предназначен для студентов, уже прослушавших в рамках программы бакалавриата курсы историко-филологического цикла (в частности, «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», «Введение в языковедение» и т.д.) и владеющих английским языком на уровне не ниже В1 по общеевропейской классификации.

Для изучения дисциплины необходимы знания, умения и навыки, сформированные у обучающихся в процессе освоения названных дисциплин.

Курс занимает важное место в программе подготовки магистранта, так как призван интегрировать в сознании учащихся знания, полученные ими при изучении дисциплин лингвистического цикла и облегчить им освоение изучаемой параллельно дисциплины «Иностранный язык (английский)».

Г. Общая трудоемкость: 36 ак.ч., 36 часа самост. работы; итого – 72 ак.ч., 2 зачетные единицы.

Д. Форма промежуточной аттестации: зачет.

Формы проведения

форма занятий с указанием суммарной трудоемкости по каждой форме:

- интерактивные лекции – 36 ак.ч.
- самостоятельная работа – 36 ак.ч.

формы текущего контроля: тесты

Распределение трудоемкости по разделам и темам, а также формам проведения занятий с указанием форм текущего контроля и промежуточной аттестации

	Наименование разделов и тем дисциплины	Трудоемкость (в академических часах) по формам занятий (для дисциплин) и видам работ (для практик)				Формы контроля
		Аудиторная работа (с разбивкой по формам и видам)			Самостоятельная работа	
		Лекции	Семинары	Лабораторная работа		
1.	Slavs Nowadays	2			2	тест
2.	Patron Saints of Slavs	2			2	тест

3.	Slavic Mythology	2			2	тест
4.	Medieval Slavic States	2			2	тест
5.	Slavs and Byzantine Empire	2			2	тест
6.	Rus' and Russia	2			2	тест
7.	Slavs and Mongol Invasion	2			2	тест
8.	Third Rome	2			2	тест
9.	Lands of the Bohemian Crown	2			2	тест
10.	Emperor Charles IV and Medieval Slavic Universities	2			2	тест
11.	Hussite and Protestant Movement	2			2	тест
12.	Lithuania and Poland	2			2	тест
13.	Slavs and Ottoman Empire	2			2	тест
14.	Slavs and Russian Empire	2			2	тест
15.	Slavs and Austro-Hungarian Empire	2			2	тест
16.	Slavic Studies and Academic English	6			6	тест
						зачет
	Итого	36			36	

Содержание дисциплины

Тема 1. Slavs Nowadays. Countries, where a Slavic language is a national one. Slavic alphabets. Letters with diacritics (acute accent, grave accent, circumflex, caron, overdot, tail, diaeresis, ring), different types of digraphs. Slavs in diasporas.

Тема 2. Patron Saints of Slavs. The veneration of patron saints (as well as saints in general) in Roman Catholicism, Eastern Orthodoxy, Oriental Orthodoxy (e.g. Armenian Apostolic Church), Anglicanism (= Anglican Communion) and Eastern Catholicism. Stages of canonization in the Catholic Church since 1983: “Servant of God” > “Venerable” > “Blessed” > “Saint”. A patron saint or a patron hallow as the heavenly advocate of a nation, place, craft, activity, class, clan, family, or person. Saint Innocent of Alaska, Saint Herman of Alaska, Saint Tikhon of Moscow as the patron saints of Americas. Saint John the Apostle as the patron saint of love, loyalty, friendship, authors, booksellers, burn-victims, poison-victims, art-dealers, editors, papermakers, publishers, scribes, scholars, theologians. Saint Hyacinth of Poland as the Apostle of the North, a patron saint of Lithuania, a patron saint of those in danger of drowning, and a patron saint of dumplings. Five main patron Saints of Poland: The Blessed Virgin Mary the Queen of Poland, Saint Adalbert of Prague, Saint Stanislaus of Szczepanów, Saint Stanislaus Kostka, Saint Andrew Bobola. Main patron Saints of Bohemia: Saint Wenceslas, Saint Ludmila, Saint Procopius of Sázava, Agnes of Bohemia, Saint Sigismund, Saint Norbert of Xanten, Saint Vitus, Saint John of Nepomuk.

Тема 3. Slavic Mythology as the mythological aspect of the polytheistic religion that was practised by the Slavs before Christianization. Sources of information: Written sources, Archaeological remains, Folklore traces. Inauthentic sources. Slavic Pantheon.

Reconstruction of original Slavic myths is thus true detective work, requiring a considerable knowledge of various scientific disciplines such as semiotics, linguistics, philology, comparative mythology and ethnology. Slavic paganism today.

Тема 4. Medieval Slavic states: Samo's empire/realm/kingdom/tribal union, Carantania, Great Moravia, Principality of Lower Pannonia (= Balaton Principality), Principality of Nitra, Poland, Bohemia, Kievan Rus, The First and the Second Bulgarian Empires, Duklja, Bosnia, Croatia, Zeta, Slavonia, Cossack Hetmanate.

Тема 5. Slavs and Byzantine Empire (= Byzantium) as the Eastern Roman Empire in its periods of Late Antiquity and the Middle Ages, centered on the capital of Constantinople and known simply as the Roman Empire" (Βασιλεία Ῥωμαίων) or Romania (Ῥωμανία) to its inhabitants and neighbours. Gradual change from Rome to Byzantium: Diocletian, Constantine, Heraclius. The authority of the Byzantine emperor as the legitimate Roman emperor challenged by Popes and Western Emperors. Enemies: Hunns, Avars, Persians, Arabs, Turks, Slavs.

Тема 6. Rus' and Russia. Rus' Khaganate as a hypothetical state whose existence is inferred from a handful of early medieval Byzantine and Persian or Arabic sources. Roerik of Dorestad and Varagians: Slavic sources, Islamic sources, Greek sources, West European sources. Alternate Anti-Normanist theories. From Rus' to Russia. Great Russia (Μεγάλη Ῥωσσία) and Little Russia (Μικρά Ῥωσσία) in Byzantine sources. White Russia (= White Rus'

or White Ruthenia), Red Russia (= Red Ruthenia), Black Ruthenia. Some other “colour” designations of later origin: Green Russia for Siberia, Blue Russia for the Far East, Yellow Russia for Kazakhstan.

Тема 7. Slavs and Mongol Invasion. The Mongol Empire (1206-1368) as the largest contiguous land empire in human history, covered an area of 24,000,000 km², 16% of the Earth's total land area, and held sway over a population of 100 million. Mongol military tactics and organization. Training and discipline. Communications. The basic costume of the Mongol fighting man. Mongol bow and sword. Catapults and machines. Strategy. Intelligence and planning. Psychological warfare and deception. Sons and grandsons of Genghis Khan. Kublai Khan. Ilkhanate. Chagatai Khanate. Golden Horde (= Ulus of Jochi). “Eurasian symphony”.

Тема 8. Third Rome as the idea that some European city, state, or country is the successor to the legacy of ancient Rome (the “first Rome”) and, according to different perspectives, either via connection to the Byzantine Empire as being the “second Rome”; or via connection to the Western Roman Empire through its claimed successors such as the Papal States or the Holy Roman Empire as being the “second Rome”. Bulgarian claims. Russian claims. Ottoman claims. German claims. Italian claims.

Тема 9. Lands of the Bohemian Crown which used to include territories like Lusatia (now in Germany) and the balance of Silesia, all of which were ruled from Prague at one time (1292/1327–1635/1742). Coats of Arms: Checked Eagle of Moravia, Piast Eagle of Silesia, Ox of Lower Lusatia, Eagle of Upper Silesia, Wall of Upper Lusatia, *en surtout* the Bohemian Lion, upon the Crown of Saint Wenceslas, garlanded by lime. Whilst a principality (a duchy), the Bohemia was sometime vassal of the Great Moravia, of the Carolingian Empire of the Franks, and then of the Holy Roman Empire. Bořivoj as the first historically documented Duke of Bohemia (870–889) and founder of the Přemyslid dynasty, which had ruled Bohemia until the extinction of the male line with the death of Wenceslaus III of Bohemia in 1306. From duchy to kingdom. Ottokar II as “the king of iron and gold”. Emperor Charles IV. Emperor Sigismund. Emperor Rudolf II. Jewish Prague: מְהַרְלֵל and אִמְרַת. The Thirty Years' War (1618–1648) as one of the longest and most destructive conflicts in European history.

Тема 10. Emperor Charles IV and Medieval Slavic Universities. The Holy Roman Empire as an elective monarchy, although from the 15th century onwards the electors often merely formalised what was *de facto* a dynastic succession within the Austrian House of Habsburg. Three spiritual electors (the Archbishop of Mainz, the Archbishop of Trier, and the Archbishop of Cologne) and four lay electors (the King of Bohemia, the Count Palatine of the Rhine, the Duke of Saxony, and the Margrave of Brandenburg), who elected a King of the Romans (= King of Germany) to be crowned by the Pope to become the Holy Roman Emperor. An Imperial city as a polity subordinate only to the emperor, as opposed to a territorial city or town which was subordinate to a territorial prince – be it an ecclesiastical lord (prince-

bishop, prince-abbot) or a secular prince (duke, margrave, count, etc.). Prague as the main imperial residence by the Emperor Charles IV. Karlštejn Castle near Prague as a place for safekeeping the Imperial Regalia as well as the Bohemian crown jewels, holy relics, and other royal treasures. Charles Bridge in Prague. Spa Carlsbad. Charles' University as the first university "to the north of the Alps and to the east of Paris". Three types of medieval European Universities: Bologna University (students hired and paid for the teachers), Paris University (teachers were paid by the church), Oxford University and Cambridge University (were predominantly supported by the crown and the state). Latin as the language of the university, used for all texts, lectures, disputations and examinations. The university culture in northern Europe (primarily Germany, France and Great Britain) and in the south (primarily Italy). Different structure of Northern Universities and of Southern universities.

Tema 11. The Hussite movement as a national, as well as a religious manifestation and as a part of the worldwide Protestant Reformation. The reign of King Wenceslas IV (1378–1419) as a period of papal schism and concomitant anarchy in the Holy Roman Empire, precipitated by a controversy at Charles University. The Western Schism (= Papal Schism) as a split within the Catholic Church from 1378 to 1417 driven by politics rather than any theological disagreement and ended by the Council of Constance (1414–1418). Leading role of Sigismund, King of Germany and Hungary (and later Holy Roman Emperor) in the deliberations of this assembly. John Wicliffe and John Hus. The complicity of Sigismund in the death of Hus as a matter of controversy. The so called First Defenestration of Prague as the turning point leading to the prolonged Hussite Wars. Four Articles of Prague. *Confessio Bohemica*, upon which Lutherans, Utraquists and Bohemian Brethren agreed and its modern heritage.

Tema 12. Lithuania and Poland. Prehistoric commercial routes between Northern and Southern Europe defined by the amber trade route from coastal areas of the Baltic Sea to the Mediterranean Sea. The Grand Duchy of Lithuania as the largest state in Europe in the 15th century, which included large portions of the former Kievan Rus' and other Slavic lands, covering the territory of present-day Belarus, Latvia, Lithuania and parts of Estonia, Moldova, Poland, Russia and Ukraine, being a multi-ethnic and multi-confessional state with great diversity in languages, religion, and cultural heritage. The Kingdom of Lithuania (1251-1263). King Mindaugas as the first and only crowned king of Lithuania. Gediminas and Algirdas. The Russian Gediminid families (Bulgakov, Golitsin, Kurakim, Khovansky, Trubetskoy, Belsky, Volynsky). Jogailo and the Union of Kreva in 1386, bringing two major changes in the history of Grand Duchy of Lithuania: conversion into Catholicism and establishment of a dynastic union between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland. Muscovite–Lithuanian Wars. Livonian War (1558-1583). The Union of Lublin (July 1, 1569) which replaced the personal union of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy

of Lithuania with a real union and an elective monarchy, since Sigismund II Augustus, the last of the Jagiellons, remained childless after three marriages. The Warsaw Confederation (January 28, 1573) which extended religious tolerance to nobility and free persons within the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Тема 13. Slavs and Ottoman Empire. The Ottoman Empire (= Sublime Ottoman State) as a multinational, multilingual empire that stretched from the southern borders of the Holy Roman Empire (until the outskirts of Vienna), Royal Hungary (modern Slovakia) and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the north to Yemen and Eritrea in the south; from Algeria in the west to Azerbaijan in the east; controlling much of southeast Europe, western Asia, and North Africa and containing 29 provinces and numerous vassal states, some of which were later absorbed into the empire, while others were granted various types of autonomy during the course of centuries. The Ottoman victory at the Battle of Kosovo in 1389 which effectively marked the end of Serbian power in the region, paving the way for Ottoman expansion into Europe. The Ottoman conquest of Constantinople in 1453 by Mehmed II, which cemented the status of the Empire as the preeminent power in south-eastern Europe and the eastern Mediterranean. The expansion of Muscovite Russia under Ivan IV (1533–1584) into the Volga and Caspian region at the expense of the Tatar khanates and disruption of the former northern trade routes. The Crimean Khanate as a significant power in Eastern Europe and a threat to Muscovite Russia in particular until the end of the 17th century. The Sultanate of Women during the 16th and 17th centuries when the women of the Imperial Harem of the Ottoman Empire exerted extraordinary political influence on state matters and over the male Ottoman sultan, starting from the reign of Suleiman the Magnificent. Valide sultan and Haseki sultan. The Crimean War (1853–1856) as part of a long-running contest between the major European powers for influence over territories of the declining Ottoman Empire.

Тема 14. Slavs and Russian Empire. The Russian Empire as the successor to the Tsardom of Russia and the predecessor of the short-lived Russian Republic, which was succeeded by the Soviet Union. Peter the Great, who officially renamed the Tsardom of Russia the Russian Empire in 1721 and instituted sweeping reforms to transform Russia into a major European power. Peter's first military efforts directed against the Ottoman Turks. Great Northern War. Saint Petersburg. Foundation of the Moscow University. Empire's expansion and modernization by Empress Catherine the Great. Russian Enlightenment. Napoleon's Wars. Imperial external territories. Tsarist absolutism. The Duma and electoral system. Most Holy Synod. Religions. Society.

Тема 15. Slavs and Austro-Hungarian Empire. Emperor Sigismund (1368- 1437) as the creator of the multiethnic state in the south-east of Europe (the future Austria-Hungarian Empire), which has been defending Europe from the Turk expansion for centuries. The Order of the Dragon as a

military order, requiring its initiates to defend the cross and fight the enemies of Christianity, in particular the Ottoman Turks. Reformation. Martin Luther's 95 Theses. Luther's disagreement both with the way in which the higher clergy, especially the pope, used and abused power, and with the very idea of the pope. The Peace of Augsburg (1555) and the principle *Cuius regio, eius religio*. Thirty Years War (1618-1648). The rise of Prussia. Frederick the Great. Decline and fall of the Holy Roman Empire and its transformation into the Austrian Empire. Races and "cultural languages" in Austria-Hungary: German, Hungarian, Romanian, Czech, Slovak, Slovene, Croatian, Serbian, Italian, Polish, Ruthenian. World War I (1914-1918).

Тема 16. Slavic studies (= Slavistics) as the academic field of area studies concerned with Slavic areas, Slavic languages, literature, history, and culture. Slavic and Slavonic. Areas of interest by the country, by the territory, by the language. Journals and book series: *The Russian Review*, *Sarmatian Review*, *Slavic Review*, *Studies in Slavic and General Linguistics*, *The Slavonic and East European Review*, *Slavia*, etc. Academic English.

Перечень компетенций, формируемых в результате освоения дисциплины – по видам компетенций

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

Универсальные компетенции:

а) общенаучные:

- способность анализировать и оценивать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач (**М-ОНК-1**) (формируется частично);
- способность самостоятельно формулировать научные проблемы на основе адекватного анализа научной традиции и современных тенденций (**М-ОНК-2**);
- способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере гуманитарных наук для собственных научных исследований и практической деятельности (**М-ОНК-3**).

б) инструментальные:

- владение нормами русского литературного языка и функциональными стилями речи; способность демонстрировать в речевом общении личную и профессиональную культуру, духовно-нравственные убеждения; умение ставить и решать коммуникативные задачи во всех сферах общения, управлять процессами информационного обмена в различных коммуникативных средах (**М-ИК-2**);
- владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами (**М-ИК-3**);

- владение навыками использования программных средств, умение работать в компьютерных сетях, в том числе Интернет, способность самостоятельно определять и осваивать необходимое для профессиональной деятельности аппаратное и программное обеспечение (**М-ИК-4**).

в) системные:

- способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (**М-СК-1**) (формируется частично);
- способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (**М-СК-2**);
- способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (**М-СК-3**);
- владение навыками участия в работе научных, педагогических, производственных и др. коллективов на основе глубокого понимания коммуникативных процессов (**М-СК-4**) (формируется частично).

Профессиональные компетенции:

Общепрофессиональные:

- знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (**М-ПК-1**);
- владение категориально-терминологическим аппаратом современной филологии; знание важнейших филологических отечественных и зарубежных научных школ (**М-ПК-2**);
- владение навыками самостоятельного филологического исследования и аргументированного представления его результатов (**М-ПК-3**);
- владение навыками квалифицированного анализа, комментирования, реферирования и обобщения результатов научных исследований с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта (**М-ПК-4**);
- владение навыками квалифицированной филологической экспертизы, критики, интерпретации, комментария и анализа различных типов текстов (**М-ПК-5**);
- способность с филологической и общегуманитарной точки зрения осмыслять, описывать и анализировать разнообразные феномены языка, литературы, культуры, сознания, общественной жизни (тексты, произведения, ситуации, процессы и т.п.) (**М-ПК-6**);

- умение применять филологическую теорию в прикладных областях (М-ПК-7);

Специализированные (М-СПК):

- способность идентифицировать на основе особенностей графики и ;
- представление о различных аспектах книжной культуры Древней Руси, о древней славянской письменности и ее разновидностях;
- способность изучить взаимосвязь книжного славянского языка со славянскими диалектами и неславянскими языками контактного окружения, самостоятельно проводить комплексное лингвокультурологическое исследование определенного славянского ареала и контактной зоны в диахроническом аспекте, использовать теоретические знания и практические навыки самостоятельного анализа языковых явлений средневековой книжной славянской культуры в зеркале других культур.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен

Знать:

- основные принятые в англоязычных странах термины, относящиеся к области славистики

Уметь:

- ставить и решать коммуникативные задачи в сфере профессионального славистического общения.

Владеть:

- навыками устного и письменного общения на современном английском языке в диалогической и монологической форме в области славянской филологии.

Используемые образовательные, научно-исследовательские и научно-производственные технологии

- Образовательные технологии: интерактивные лекционные занятия с презентационным сопровождением, аналитическое чтение научной литературы, изучение образцов анализа, выполнение практических заданий.
- Научно-исследовательские технологии: сопоставительный анализ, изучение научной литературы.

Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы магистрантов, оценочные средства контроля успеваемости и промежуточной аттестации

Текущий контроль успеваемости проводится в форме тестирования.

Промежуточная аттестация по итогам освоения дисциплины – зачет, состоящий из самостоятельно подготовленной студентом интерактивной презентации.

Образец тестового задания

Русскому термину «славянские языки» в англоязычной лингвистике соответствуют два термина – **Slavic Languages** и **Slavonic Languages**.

Выберите правильный вариант:

- термин **Slavic Languages** и термин **Slavonic Languages** полностью синонимичны и употребляются одинаково регулярно и в британской, и в американской славистике
- термин **Slavonic Languages** употребляется преимущественно в британской славистике, а термин **Slavic Languages** – в американской
- термин **Slavic Languages** употребляется преимущественно в британской славистике, а термин **Slavonic Languages** – в американской

Образец задания для зачета

Презентация на тему «Personal weapon in the XVIth century»
[одна из иллюстраций к презентации (скриншот файла .pptx):]

Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А. Основная литература

Encyclopaedia Britannica. – CD-edition. – 2002 [or later].

McCathy M., O'Dell F. Academic Vocabulary in Use. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Oshima A., Hogue A. Writing Academic English. – [s.l.]: Pearson Education, 2006.

Б. Дополнительная литература

Hirsch E.D. Jr., Kett Joseph F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy. – Boston; New-York: Houghton Mifflin Company, 2002.

Jordan R.R. Academic Writing Course: Study Skills in English. – [s.l.]: Pearson Education, 2007.

В. Программное обеспечение и Интернет-ресурсы

<http://www.britannica.com/>

Англоязычный сектор Википедии: <http://en.wikipedia.org/>

Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает доступ к интернету во внеаудиторное и аудиторное время; использование на занятиях компьютерного проектора и интерактивной электронной доски (специализированный мультимедийные кабинеты); доступность указанных ресурсов и литературы.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по направлению подготовки магистров «Филология».

Литература / References

Encyclopaedia Britannica. – CD-edition. – 2002 [or later].

McCathy M., O'Dell F. Academic Vocabulary in Use. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Oshima A., Hogue A. Writing Academic English. – [s.l.]: Pearson Education, 2006.

Hirsch E.D. Jr., Kett Joseph F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy. – Boston; New-York: Houghton Mifflin Company, 2002.

Jordan R.R. Academic Writing Course: Study Skills in English. – [s.l.]: Pearson Education, 2007.

МНОГОФАКТОРНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НА ФОНЕ УСКОРЯЮЩИХСЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ¹

В.Г. Кульпина, В. А. Татаринов

POLYFACTORIAL LANGUAGE VARIABILITY AGAINST A BACKGROUND OF INCREASING COMMUNICATIVE PROCESSES

V.G. Kulpina, V.A. Tatarinov

ABSTRACT:

There was critical analysis on problems of linguistic variability carried out in the reviewed collected articles. The attention is focused on the problems of language norm, language tendencies, contrastive analysis.

Keywords: language variant, language norm, language tendency, contrastive analysis, Russian language, Polish language, Japanese language

Ключевые слова: языковой вариант, языковая норма, языковая тенденция, сопоставительный анализ, русский язык, польский язык, японский язык

Предметом обсуждения в данном обзоре является сборник статей «Вариативность в языке и коммуникации», вышедший в издательстве Российского государственного гуманитарного университета под редакцией Л.Л. Федоровой. Его первоосновой послужили доклады на одноименной конференции, организованной Институтом лингвистики РГГУ. Сборник содержит статьи по проблемам вариативности и нормы в грамматике, лексике, фразеологии, орфографии, дискурсе, в языковой коммуникации и стилистике. В сборнике имеются разделы: «Вариативность и норма в грамматике и орфографии», «Лексическое и грамматическое варьирование», «Дискурсивные варианты и коммуникативные практики», «Варианты и вариации, черновики и оригиналы», «Из лингвистического наследия».

¹ Рец. на кн.: Вариативность в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова; РГГУ. Институт лингвистики. М., 2012. 458 с.

Во введении «От составителя» Людмила Львовна Федорова представила обзор материалов сборника в распределении по разделам, отметив нетривиальность графического оформления статей.

Игорь Алексеевич Шаронов в статье «Современные грамматические нормы : проблемы контроля и уточнения» остановился на процессах сужения круга используемых конструкций родительного партитивного падежа (типа *купить меду*), а также ряда форм местного и предложного падежа имен собственных (типа *в Переделкине*). Он проанализировал явление уменьшения вариативности (*в цехе* и *в цеху*), которое затрагивает и сущностные стороны языковой системы. Так, из речи молодежи исчезает частица *ни* в уступительных контекстах (ср.: *(куда бы ты не шел)*). Материалы Национального корпуса русского языка показывают, что употребление синтетических форм побудительного наклонения типа *пойдемте, споемте* в современном языке закрепилось лишь за ограниченным кругом лексем. Причина кроется в их периферийности для грамматической системы. Анализируется также вариативное использование форм прилагательного в конструкциях с числительными *два, три* и *четыре*.

В статье Паолы Котта Рамузино «О сочетаемости числительных малого количества» рассматривается сочетаемость числительных *оба/обе, полтора, два/две, три, четыре* с именной группой, характеризующаяся определенной вариативностью. Дается обзор этапов унификации в склонении числительных на протяжении XX века в свете разных синтаксических теорий. Приводятся данные Национального корпуса русского языка.

Владимир Михайлович Алпатов в статье «Новое в вариативности письменных норм в Японии» обращается к причинам исторически сложившейся ситуации с разветвленной вариативностью языковых норм. В Японии вариативность языковых норм характеризуется особой спецификой, не встречающейся в других языковых ареалах. Проблемы связаны с особо сложным, «мозаичным», составом японской письменности, графика которого состоит из иероглифов, двух японских слоговых азбук (*хираганы* и *катаканы*) при использовании латинского письма, китайских цифр (наряду с теми, которые используются в Европе), применении нестандартных видов японской азбуки (*хэнтайганы*), в условиях возможности старого написания иероглифов, рекомендуемого особого написания китайских и тайваньских имен собственных (как в оригинале). Вариативно само расположение языковых знаков на странице (по вертикали, по горизонтали (слева направо и изредка справа налево)). Распределение видов письменности регулируется действующими правилами. Но предписания допускают определенное варьирование. Так, для различения омонимов может применяться их нестандартная запись.

Вариативность может быть связана с возможностью употребления старых форм и старой орфографии. По-прежнему имеют хождение старинные записи иероглифов, особенно имен и фамилий. Поле вариативности образуют заимствования из западных языков, которые могут писаться как латиницей, так и катаканой. Отмечается, что компьютеризация органично соединилась с традицией: в современные компьютеры заложена программа, благодаря которой компьютерный набор азбукой (латиницей и/или хираганой) преобразуется в традиционное письмо. Этот технологический прорыв означает, что современному японцу уже нет необходимости тратить много времени на иероглифическую запись текста (ошибки, возникшие из-за нераспознавания омонимов, можно исправить). В эпоху компьютеров зазор для личного выбора весьма велик: «Каждый пишущий старается использовать те знаки, к которым имеет склонность, и индивидуальное варьирование значительно увеличилось» (с. 48). Интересно, что благодаря компьютерной помощи число иероглифов в текстах значительно возросло. Распространение Интернета и SMS-контактов привело к усилению роли письменной коммуникации и появлению нестандартных видов записи, специфических речевых жанров и стилей, в том числе особого, «девичьего», стиля письменной коммуникации. В любом случае, «допуск» вариантности в японском языке чрезвычайно велик.

В статье Александра Бердичевского (Берген, Норвегия) «Орфографический» средний род: грамматическая инновация в языке русского Интернета» в центре внимания автора – инновативное явление смены родового статуса ряда существительных русского языка: их перехода в средний род (*девушка, дедушко, бабушко*). Выводы о распространенности данного явления делаются автором на основе количественного анализа примеров в разговорной Интернет-коммуникации.

В статье Анны Разифовны Валиахметовой «Развитие предложно-падежных конструкций *с чем / вокруг чего* в современном русском языке» анализируются предложно-падежные конструкции творительного падежа с предлогом *с*, активизировавшимся в начале XX века (*трудности с билетами, случай с братом*) и конструкции родительного падежа с предлогом *вокруг*, распространившиеся в последнем десятилетии XX и начале XXI века (*споры вокруг этой проблемы*). Анализируется дистрибуция и семантические группы этих конструкций в современном русском языке, выявляются условия замены беспредложных конструкций предложными (связанные с наличием определенных компонентов в семантике слова, управляющего предложно-падежной конструкцией).

Валентина Григорьевна Кульпина в статье «Вариативность локативных конструкций как индикатор лингво- и этнообусловленной категоризации мира» проводит внутриязыковое сопоставление локативных

конструкций местоимений и существительных польского языка с привлечением ряда примеров русского языка. Анализ направлен на изучение условий и возможностей замены предложно-падежных конструкций существительных местоименными конструкциями, влияния факторов, ограничивающих/блокирующих употребление личных местоимений, среди которых важнейшее место занимает тип локализуемого объекта. Проблема условий замены существительных личными местоимениями связывается с внутриместоименным варьированием, а именно возможностями замены существительных местоимениями других разрядов (в случае действия ограничителей на употребление личных местоимений), в частности, наречными местоимениями. Предлагается при выделении местоимений в отдельный лексический класс, наряду с традиционно применяемыми, применить критерий взаимозаменяемости и комплементарности местоимений разных разрядов. Устанавливается, что местоимение, выступая в качестве замены слов, словосочетаний и предложений, производит их категоризацию и дифференциацию. При этом способность к категоризации языковых единиц представляет собой интегративную сему, общую для всех типов местоимений.

Люди́ла Влади́мировна Зу́бова в статье «Потенциальная семантическая дифференциация вариантов слова» останавливается на попытках дифференциации вариантов, применявшихся целым рядом писателей. Указывается, что стремление к дифференциации вариантов широко выражено в наши дни и может проявляться в языковой рефлексии, прежде всего в суждениях о норме употребления. Анализируются примеры из Интернет-коммуникации. Отмечается, что потенциал вариативности нередко используется в полемике, в публицистике для придания высказыванию пародийности. Языковой рефлексии нередко подвергаются встречающиеся в интернет-общении варианты лексем *счастье* и *щастье*. Приводится большое количество примеров, демонстрирующих, что *счастье* – это нечто большее, чем *щастье*, в данном случае, как и в других, противопоставление осуществляется по аксиологическому принципу. Автор отмечает, что хотя попытки семантизации вариантов в сетевом общении наивны, не нормативны и не узуальны, они интересны своей языкотворческой деятельностью.

Маргарита Васильевна Китайгородская в статье «*На фоне Пушкина снимается семейство...*» анализирует тематическую группу семантического поля *фотография* в динамике ее поступательного развития. Дается описание разных способов номинации (заимствование, словосложение, аффиксация и др.).

Елена Георгиевна Борисова в статье «*Эгоист ужасный / прекрасный*» (о вариативности оценки в лексических коннотациях) описывает тип вариативности, выражаемый с помощью оценочной лексики. Фик-

сируются эволютивные аспекты оценочных характеристик слов. Приводятся результаты опроса, предпринятого с целью определения аксиологического заряда лексем.

Мария Марковна Вознесенская и Ольга Игоревна Северская свою статью «*Озвучим как бы вполне себя вменяемую историю*» (о «модных словах» русского языка)» посвятили модным языковым средствам. Такими могут быть как знаменательные, так и служебные слова, интонация, устойчивые выражения, крылатые слова. В разнообразных контекстах анализируются разные частеречные формации: *история, вменяемый, озвучить, на самом деле, вполне себе, как бы*. Новые смыслы, выражаемые этими модными словами, осциллируют вокруг понятий нормы, реальности, действительности, а также не-нормы, иллюзорности, неопределенности. Интенционал слова *история* в современном русском языке десемантизируется до такой степени, что становится правомерным говорить о его прономинализации. В то же время у этого слова появляется ряд новых значений. Подчеркивается, что в процессах семантизации и десемантизации проявляется аналогичная тенденция к генерализации значения. Модные слова проходят определенные этапы развития: знак принадлежности к элите > штамп > старомодное слово.

Ольга Евгеньевна Фролова в статье «Вариативность и паронимия» явление паронимии рассматривает в контексте языковой и речевой вариативности. Анализируются прилагательные на *-ичный* и *-ический*, образующиеся от иноязычных основ (например, *автобиографический – автобиографичный, иронический – ироничный*). Отмечается, что в большинстве случаев прилагательные на *-ический* шире по значению, чем таковые на *-ичный*. Автор приходит к выводу о целесообразности рассмотрения во взаимосвязи явлений паронимии, вариативности и синонимии.

Елена Евгеньевна Левкиевская в статье «Семантическая вариативность украинизмов в русском языковом пространстве» описывает историческое развитие в украинском языке, а также современное употребление в русском языке украинских политических терминов *самостийный, самостийность, самостийно, незалежный, незалежность, незалежник*, устанавливая их соотношение с русскими политическими терминами *самостоятельность/самостоятельный, независимость/независимый*. Отмечается, что при погружении в русское языковое пространство эти украинские термины развили новые смыслы.

Ксения Алексеевна Гилярова в статье «Редупликации в русской разговорной речи» отмечает, что самым распространенным типом синтаксической редупликации (удвоением слов, а не морфем), выражающим в современном русском языке интенсивность признака, является удвоение прилагательных и наречий (*синий-синий, быстро-быстро*). Редуплика-

ция глагола несовершенного вида может выражать длительность действия при отсутствии результата (*ждала-ждала*). Редупликация местоимений выступает как заменитель целых высказываний: (*Чем-чем, а здоровьем могу похвастаться*). Для существительных характерна неполная или неточная редупликация (*тары-бары, трава-мурава*). Однако новой тенденцией является точная редупликация существительных (*Вот в такой мороз-мороз...*), часто выступающих в значении прототипа, которое является центральным и нередко выступает в предикативной функции и с усилителями (типа *прямо, такой*); точная редупликация нередко служат выражению оценки (*прямо лето-лето*), коннотации, усиления и др.

Елена Валентиновна Какорина в статье «Вариативность оценочных номинаций в интернет-коммуникации» анализирует вариативность в жанре интернет-комментария, образующего гипертекстовое пространство. Вариативность в данном случае рассматривается как проистекающая из разнообразия кодов и средств их реализации, а также как обусловленная прагматикой Интернет-коммуникации, широтой ее социальной базы. Сайт, созданный по поводу строительства в Петербурге нового высотного здания в центре города, послужил созданию множества разнообразных оценочных номинаций «народной публицистики».

Эва Бялэк в статье «О новых и старых номинациях в индустрии красоты (на материале русского и польского языков)» описывает влияние расширенной гаммы продуктов и услуг на сферу номинации. Э. Бялэк анализирует русско-польские соответствия модных артефактов и приходит к выводу, что в польском языке предпочтительнее описательные выражения (русс. *дезодорант-шарик* – польс. *dezodorant w kulce* ‘дезодорант в шарике’, а также номинации, демонстрирующие наличие конкуренции названий косметических средств польского и русского языков с англоязычными. Отмечается, что одному англоязычному слову в языке-реципиенте может соответствовать несколько номинаций. Уточняется порядок следования компонентов в двусоставных номинациях типа *крем-тени* на основе языковой рефлексии участниц опроса (российских и польских студенток), изучаются условия замены приложений прилагательными (*дезодорант-крем* – *кремовый дезодорант*). Описываются результаты опроса, имевшего своей целью уточнить статус некоторых англоязычных номинаций и выяснить отношение к ним носителей польского и русского языков. На основе проведенного анализа и опроса автор делает вывод о постоянной смене номинаций в области косметики и в то же время о наличии устойчивых структурных моделей косметических изделий русского и польского языков: в русском языке выступает тенденция к формированию сложносоставных номинаций, в польском языке – к описательным. В обоих рассматриваемых языках один и

тот же артефакт может получать большое количество синонимических номинаций.

Екатерина Протасова (Хельсинки) в статье «Многоязычие в русских текстах» констатирует значительную диверсификацию русской речи, наличие в современном русском языке большого количества заимствований и калек как следствия мультикультурализма и многоязычия. На русском языке осуществляется широкая межкультурная и межэтническая коммуникация, поэтому звуки иноязычной речи постоянно присутствуют в жизни россиян, хотя билингвизм и мультилингвизм пока не воспринимаются как норма жизни. В то же время многоязычие в современной России уже нашло свои воплощения в художественной литературе.

Статья Ольги Викторовны Сахаровой «Вариативность функционирования языков в современном Киеве» посвящена тенденциям в сфере языковых контактов и варьирования языков в Киеве, представляющем собой в основном двуязычное пространство, требующее многовекторного рассмотрения. Выделяются следующие виды билингвизма: 1) пассивный / рецептивный, при котором коммуниканты говорят каждый на своем языке, понимая друг друга без сбоев в бытовой и производственной коммуникации; 2) продуктивный параллельный вид билингвизма, весьма распространенный в Киеве характеризуется тем, что участники коммуникации знают оба языка и беспрепятственно переходят с языка на язык. При этом статусный характер украинского языка предрасполагает скорее к переходу с русского на украинский, чем наоборот. Характерным элементом является использование официальных названий на украинском языке в русскоязычном дискурсе; 3) социокультурные, миграционные, политические факторы обусловили формирование смешанного билингвизма как взаимовлияния в направлении неразличения языковых кодов. В коммуникативной интеракции выделяются следующие составляющие: 1) факторы социоэкономического, политического, миграционного плана, 2) психологические предрасположенности собеседников, 3) конкретная ситуация общения.

Ренате Ратмайр в статье «Вариативность в устной деловой коммуникации: тематические речевые особенности различных обоснований в жанре собеседования» описывает характерные признаки жанра собеседования, связанные с привлечением интервьюируемыми фоновых, контекстуальных и ситуативных знаний и прогностическим зарядом со стороны интервьюирующего. Материал собирался автором в двух крупных городах Российской Федерации. Автор подчеркивает, что необходимость формирования деловой культуры в России как части передовой глобальной деловой культуры является в РФ частью Национальной программы. С точки зрения отношения к собеседованию и формам его

проведения Р. Ратмайр выделяет типы интервьюеров: 1) адоптеры, применяющие новые нормы поведения, 2) отвергающие их традиционалисты и 3) интеграторы, соблюдающие традиции и применяющие инновации. Потенциального работодателя и рекрутера в первую очередь волнует вопрос, почему интервьюируемый ушел с предыдущего места работы, концентрируясь не только на причинах (объективных или личного характера), но и на этапах ухода (некоторые даже повторно задают этот особенно интересующий их вопрос). Низкая зарплата, выдвигаемая в качестве причины ухода с работы, обычно сочетается с какими-то другими причинами. Подчеркивается, что у интервьюируемого возникают трудности с предоставлением о себе сбалансированной дозировки информации (в которой заинтересован работодатель). Разумеется, работодателя интересует опыт работы и имеющиеся навыки, вместе с тем практически не интересуют цели смены места работы. Работодатель, задавая стандартизированные вопросы, тем не менее стимулирует интервьюируемых к вариативности ответов, которые в этом случае более информативны, чем стандарт.

Ирина Ивановна Валуйцева в статье «Современный московский студент: некоторые аспекты речевого портрета» анализирует лингвокультурную компетенцию студентов-гуманитариев. Ею отмечается слабое владение терминологией, бедный словарный запас, частотность употребления сниженной формы *касаемо*, обращение к народной этимологии (*парономазия* – *порномазия*), бреши в фоновых знаниях, повышенное содержание в речи оценочной лексики, неумение переключаться с одного идиома на другой. При этом случаи языковой игры (характерной для речи интеллигентов) немногочисленны и реализуются с опорой на рекламные тексты.

У Ольги Ивановны Максименко в статье «Лингвистические и иконические средства Интернет-рекламы» в центре внимания находится поликодовая мультимедийная Интернет-реклама, характеризующаяся автором как интерактивная и оказывающая многонаправленное воздействие на системы перцепции человека. Подчеркивается ее базирование на синтезе разных семиотических систем: вербальной, визуальной, аудиальной. Отмечается ее креолизация, понимаемая как добавление к вербальному компоненту цветовых, графических, звуковых, анимационных компонентов. При этом непосредственно актуализируются зрительный и слуховой компоненты. Отмечается возрастание роли визуального компонента как доминантного семиотического основания, влияющего и на интеллект, и на эмоциональную сферу. Баннеры анализируются с точки зрения эффективности как аудиовизуальные продукты, функционирующие на основе двух подсистем восприятия и интеграции информации. Автор останавливается на анимации баннера, привлекающей

внимание адресата, например, обыгрыванием рекламных сюжетов. Обсуждается также ряд других рекламных носителей – байрики (окошко поверх основного браузера), Interstitials (вставка), мини-сайт, коллаж. Язык интернет-рекламы автор относит к новым языковым средствам. Подчеркивается, что современная интернет-реклама представляет собой сложное явление.

Анатолий Николаевич Баранов и Дмитрий Олегович Добровольский в статье «Авторская фразеология и проблема варьирования» занимаются обсуждением толкования термина *авторская фразеология*, который с точки зрения вариативности может пониматься как 1) авторские лексические модификации идиомы, 2) авторские грамматические трансформации, 3) авторские семантические модификации идиомы, 4) авторские фреквенталии как особо частотные употребления идиом у данного автора, 5) авторские деархаизмы. В то же время авторы подчеркивают, что в лингвистической плоскости фразеологию любого человека можно рассматривать как авторскую. *Авторские лексические модификации* идиомы связаны с изменением ее компонентного состава, ее общепринятой формы, что может создавать особый стилистический эффект благодаря разного рода преобразованиям: синонимическим и антонимическим заменам, контаминации, метафорическим преобразованиям и др. (Ср.: *Вопрос хозяина поставлен таким ребром...*). *Авторские фреквенталии* связаны с особенно частым употреблением определенных идиом у какого-либо автора. *Авторские деархаизмы* через употребление устаревших идиом способны отсылать к давно минувшим временам, мифологизировать повествование. Собственно авторские идиомы употребляет именно данный конкретный автор; они носят искусственный характер, так как не являются устойчивыми и не являются словарными единицами (например, у Достоевского *застыдился в прах*). Авторы отмечают тесную связь фразеологии с варьированием, так как употребление языка всегда осуществляется путем отбора идиом. Анализ корпуса текстов определенного автора с точки зрения употребляемой им идиоматики позволяет изучить разнообразные аспекты функционирования идиом, разработать методы их изучения и выявить потенциал развития, обогатить семантический анализ.

Михаил Юрьевич Михеев в статье «*Кулер локаль*, или орнаментальность в художественной прозе: диалектные вкрапления у Крюкова и Шолохова» рассматривает диалектизмы у Федора Крюкова и Михаила Шолохова, отмечая, что нередко они оставляются без расшифровки и служат погружению читателя в языковую и экстралингвистическую стихию. Оба автора – земляки, владевшие верхнедонским диалектом. Их стилистическая манера связана с так называемой *орнаментальной прозой*, призванной придать произведению особый местный узнаваемый

колорит. Сопоставительный анализ целого ряда диалектизмов призван выявить, какие диалектизмы и просторечные формы встречаются у одного автора и не встречаются у другого.

Галину Денисову (Пиза, Италия) в статье «Языковая норма/узус в проекции на современную литературу и кино: тенденции выбора» интересуется соотношением языковой нормы и речевой практики. В современной русской лингвокультуре автор выделяет такие языковые процессы, как: коллоквиализация; семантические сдвиги в лексической системе в направлении увеличения доли оценочной лексики и жаргонизации речи; активизация заимствований, прежде всего в лексике и словообразовании; деиерархизация стилистических отношений, выражающаяся в формировании отношений «равноправия» элементов разного ранжирования; усиление метаязыковой рефлексии; ослабление границ между своим и чужим словом. Отмечается также расширение процессов эвфемизации. Автор делает вывод об отсутствии в современных условиях непререкаемой нормы и опоре на узус, подчеркивая, что новую нормативность лишь предстоит выработать.

Статья Александра Борисовича Пеньковского «Загадки пушкинского текста: «...за ближний пень / Становится Гильо смущенный» [«Евгений Онегин», 6, строфа ХХІХ, 8-9] (Из незавершенных работ)» строится на анализе историзма в языке поэзии. Путем лингвокультурного и психолингвистического анализа целого ряда контекстов из произведений разных авторов начала ХІХ века – А.С. Пушкина и его современников – автор делает вывод о том, что слово *пень* в языке того времени означало отнюдь не пень, а целый ствол дерева.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

- Федорова Л.Л. От составителя // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и отв. редактор Л.Л. Федорова. М.: Российский государственный гуманитарный университет. Институт лингвистики, 2012. С. 8-12.
- Шаронов И.А. . Современные грамматические нормы: проблемы контроля и уточнения // Там же. С. 15-28.
- Котта Рамузино П. О сочетаемости числительных малого количества // Там же. С. 29-42.
- Алпатов В.М. Новое в вариативности письменных норм в Японии // Там же. С. 43-50.
- Бердичевский А. «Орфографический» средний род: грамматическая инновация в языке русского Интернета // Там же. С. 51-72.
- Валихметова А.Р. Развитие предложно-падежных конструкций *с чем / вокруг чего* в современном русском языке // Там же. С. 73-84.
- Кульпина В.Г. Вариативность локативных конструкций как индикатор лингво- и этнообусловленной категоризации мира // Там же. С. 85-98.
- Зубова Л.В. Потенциальная семантическая дифференциация вариантов слова // Там же. С. 101-124.
- Китайгородская М.В. «На фоне Пушкина снимается семейство...» // Там же. С. 125-139.
- Борисова Е.Г. «Эгоист ужасный / прекрасный» (о вариативности оценки в лексических коннотациях) // Там же. С. 140-145.

- Вознесенская М.М., Северская О.И.* «Озвучим как бы вполне себя вменяемую историю» (о «модных словах» русского языка) // Там же. С. 146-159.
- Фролова О.Е.* Вариативность и паронимия // Там же. С. 160-173.
- Левкиевская Е.Е.* Семантическая вариативность украинизмов в русском языковом пространстве // Там же. С. 174-188.
- Гилярова К.А.* Редупликации в русской разговорной речи // Там же. С. 189-211.
- Какорина Е.В.* Вариативность оценочных номинаций в интернет-коммуникации // Там же. С. 212-234.
- Бялэк Э.* О новых и старых номинациях в индустрии красоты (на материале русского и польского языков) // Там же. С. 235-256.
- Протасова Е.* (Хельсинки). Многоязычие в русских текстах // Там же. С. 259-286.
- Сахарова О.В.* Вариативность функционирования языков в современном Киеве // Там же. С. 287-296.
- Ратмайр Р.* Вариативность в устной деловой коммуникации: тематические речевые особенности различных обоснований в жанре собеседования // Там же. С. 297-316.
- Валуйцева И.И.* Современный московский студент: некоторые аспекты речевого портрета // Там же. С. 317-324.
- Максименко О.И.* Лингвистические и иконические средства Интернет-рекламы // Там же. С. 325-340.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Авторская фразеология и проблема варьирования // Там же. С. 343-360.
- Михеев М.Ю.* «Кулер локаль», или орнаментальность в художественной прозе: диалектные вкрапления у Крюкова и Шолохова // Там же. С. 361-394.
- Денисова Г.* (Пиза, Италия). Языковая норма/узус в проекции на современную литературу и кино: тенденции выбора // Там же. С. 395-408.
- Пеньковский А.Б.* Загадки пушкинского текста: «...за ближний пенъ / Становится Гильо смущенный» [«Евгений Онегин», 6, строфа XXIX, 8-9] (Из незавершенных работ) // Там же. С. 411-433.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Лю Сяо – аспирантка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: transliftion@gmail.com

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Кульпина Валентина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Татаринов Виктор Андреевич – доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм)
e-mail: rossterm@mail.ru

Фролова Ольга Евгеньевна – доктор филологических наук, заведующая межкафедральной лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: olga_frolova@list.ru

Щенникова Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник межкафедральной лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: schevos@mail.ru